

Р.ДАМИРОВ
С.ФИШЕР

КРАСНЫЙ
ВЕРВОЛЬФ

Рафаэль Дамиров
Саша Фишер
Красный Вервольф
Серия «Красный Вервольф», книга 1

дос предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69870562

Аннотация

Я боевой офицер. Моя жизнь – это война. Но та жизнь оборвалась, а война – нет. Меня забросило в 1941, в самое пекло. Я своими глазами увидел зверства фашистов, о которых раньше только читал. Немцы считают меня равным, потому что во мне течет арийская кровь. Свои говорят, что я предатель. Что ж, если это приблизит Победу, пусть до поры будет так!

Но когда наступает ночь, то на охоту выхожу я. Моя цель – твоя глотка, фашист. Скажи свое имя перед тем, как подохнешь. А мое ты и так знаешь – Красный Вервольф.

Книга содержит нецензурную брань

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	31
Глава 4	47
Глава 5	60
Глава 6	76
Глава 7	91
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Саша Фишер, Рафаэль Дамиров Красный Вервольф

Глава 1

Колючий лапник пытался царапнуть по глазам. Я сбился с тропы. Черт! Редколесье неожиданно превратилось в чащу. Кусты цепляли ткань «горки», какая-то ползучая трава норовила схватить меня за казенные берцы.

Я тихо матюгнулся, отплевываясь от налипшей на небритую морду паутины. Остановился, поправив висящий на плече карабин. Довоенный раритет на базе «Мосинки» – машинка безотказная, но громоздкая. Ствол постоянно норовил увязнуть в ветках, а приклад всю задницу уже отбил.

Пахнуло вдруг сыростью, тиной и портянками. Солнце спряталось за свинцом нависшей тучки. Того и гляди дождь ливанёт.

– Света! Игнат! – заорал я, сложив ладони рупором.

В ответ лишь ухнула сова. Странно, эти птицы, вроде, ночью за мышами вылезают, днем спать должны. И местность я совсем не узнаю. Что за хрень? Снова прокричал имена друзей, а в ответ тишина.

Эти двое уединились в зарослях возле нашего лагеря, типа прогуляться пошли, и как в воду канули. Вроде как, ягоду собирать поперлись. Интересно, только какую в начале июня? Наша дружная компашка походников отправила на поиски сладкой парочки, конечно же, меня. Как единственный среди них охотник и знаток здешних лесов, естественно, я больше всех подходил на роль спасателя. Да и ствол был только у меня. И нахрена только я его потащил с собой на сплав? Два раза чуть в Оредежи не утопил. А теперь еще и за ветки цепляется и шаг тормозит.

Огляделся. Так... Мох на елке здесь, значит север там. Лагерь наш за спиной. Нужно возвращаться. Не могли эти гаврики так далеко уйти. Либо их медведь, не дай бог, сожрал, что маловероятно, (сытые они нынче и добрые, как мой бывший тесть), либо они уже сидят в лагере и потягивают вискарик с колой. Жмутся друг к дружке и хихикают, вспоминая недавний «сбор ягод». А я, как чудище лесное шатаюсь по чащобам и Аленушку зову. Эх...

Вытащил смартфон, чтобы посмотреть время. Сети нет. Странно... Была вроде раньше стабильно. Уже восемь вечера, пора трапезничать. Мысли о горячем шашлыке и холодном пиве, что ждали на привале грели душу.

Хотя нет. Пиво, наверное, уже теплое, ну и пофиг. На безрыбье и ворона – соловей. После моих прошлых командировок в джунгли банановых республик, наш сплав казался прогулкой по ботаническому саду, где тропинки посыпаны

крошкой, а из хищниц, только бабуля экскурсовод. Так и казалось, пока я не отправился за Игнатом и Светой.

Природа вдруг не такая стала. Заросли гуще и тропа сгинула. А тени от трухлявых пней слишком длинные и зловещи, как в сказке про Финиста. Что же я сегодня курил? Да вроде ничего такого. Гадость жидкостную из новомодной курилки. Что туда китайцы напихали?

Я сунул руку в карман и вытащил вейп-устройство. Сделал затяжку, поморщился. Бл*хя, ну и дрянь. На природе такое курево совсем не заходит. Отшвырнул в кусты глянцевый прибор за пять косарей и вдохнул полной грудью лесную свежесть.

Все, бросаю курить. А то дышалки нет. Раньше стандартный комплекс по физо (десять километров кросс, полоса препятствий, и три спарринга после в придачу) как орешки щелкал. А сейчас напрягаться приходится. Молодняк в спину дышит. Дяде Саше, то есть мне, даже пару раз по тычке прилетело перчаткой в последних спаррингах. Старею видеть.

Сорок лет, конечно, для мужика не возраст. И Ленка не жалуется. Да и другие девки тоже, впрочем... А вот по физо – зелень обставляет меня уже. Ну, это разово. Успокаивал я себя. Хорош тот боец, что годами удар держит, а не в коротком поединке одолел.

Мне так-то на пенсию по выслуге уже лет пять назад как слинять можно было. Но я ведь больше ничего не умею. Да

и дома что делать? Пивоприёмник растить, чтобы хвостик сох? Да в зомбоящик пялиться? Не привык я на месте сидеть. Даже сейчас в отпуске поперся на сплав в леса под Вырицей. Набрал бухла, друзей (подруг не взял, тела их нежно-ботексные для комариков очень лакомые, а шпильки туфельек во мху вязнут) и рванул в водный поход на надувных лодках.

Я продирался сквозь заросли в поисках пропавшей тропы. Но почему-то она не хотела находиться. Сумерки незаметно легли на плечи и, казалось, мешали идти.

И так, из-за туч и зарослей ни фига не видно, еще и темнеть начало. Бзыкнул телефон. О! связь появилась. Вытащил китайца, но и он меня обманул. Батарея почти сдохла и торжественно возвестила меня о переходе на энергосберегающий.

Странно. Вроде половина заряда была, когда сеть проверял. Как я мог столько бродить? Похоже не только в пространстве потерялся, но и во времени. Надо было пивка с собой прихватить. Все ж плутать веселее было бы.

Ба-бах! – раскаты грома прокатились канонадой. От неожиданности я чуть не зарылся мордой в траву, рефлексивно хотелось залечь во впадинку и обхватить голову руками, как и положено по инструкции. В голове звучала фраза «вспышка слева». Но это всего лишь гром, хотя почему-то без молнии. Напугал, зараза. Профдеформация, блин.

Деревья наклонились, разгоняя ветер. Я поежился. Бре-

зентовая «горка» хороша, не продувается, но откуда-то потянуло холодом. Будто из могилы.

Через минуту на голову обрушился дождь. Без всякого предупреждения, как война в сорок первом. Я накинул капюшон, передёрнул плечами от холодных капель, попавших за шиворот. Бляха! Не было же дождя по прогнозу. Похоже, опять синоптики проспорили ящик водки больному ревматизмом.

Ливень бил нещадно. Еще немного и «горка» не спасет. Нужно спрятаться под самую дремучую елку. Я огляделся в поисках подходящего дерева, и тут мой взгляд зацепился за нору. Точнее это был целый лаз.

Ого, интересно, что за пещерка среди леса? Того и гляди оттуда кролик в цилиндре выскочит. Я подошел ближе. Да это, похоже, землянка. Откуда здесь ей взяться? Браконьеры выкопали? Вряд ли. Сейчас у всех сверхлегкие палатки-автоматы имеются. Ставятся за секунду взмахом руки. Алиэкс-пресс еще и не такое выдумать может.

Я протиснулся в нору и очутился в довольно просторном помещении. Потолок выложен из бревен лиственницы. Старые, как окаменелые экскременты мамонта, но совсем не гнилые. Не гниет такой материал от избыточной влаги, только силу набирает.

Только успел укрыться в землянке, как сверкнула молния и стало совсем темно. Будто кто-то щелкнул невидимым выключателем. Всегда недоумевал почему его так называют. Не

любит у нас народ работать, вот и включатель назвал выключателем. Нет, я конечно патриот. По работе положено. И в заграничных командировках часто приходилось отстаивать репутацию России-матушки и ловить косые взгляды «буржуев». Им Россию не понять. Как сказал один сатирик, только у нас считают скотину по головам, а правительство по членам.

Ба-бах! Бах! – разошелся дождь, бравируя раскатами грома. Хрен ты меня напугаешь больше. Пуганный. Лан... Надо согреться как-то. Костерок развести пока совсем все не отсырело.

Врубил фонарик смартфона. Сияющий глаз бил ярко, но не продуктивно. Скрепя душой, впечатал нежный корпус «Ксиоми» промеж бревен потолка. Так-то лучше. Сгреб сухую листву в кучу, которую намело в землянку. Чиркнул подарочным «Зиппо» (остался еще со времен употребления табака) и закашлялся от едких клубов. Знал же, что от листьев больше дыма, чем огня. Зачем поджигал? Но даже теплый дымок дарил ощущение безопасности. Это, наверное, еще от обезьян нам досталось или от питекантропов. Хотя нет. Те костры не жгли, и вообще питекантропы не предки человека. Боковая ветвь. Вот фашисты, например, запросто могли от них произойти, не даром они считали себя не такими как все...

Фонарь потух, выжав из батареи телефона остатки заряда. Я привалился к земляной стене и прикрыл глаза. Холодно, но жить можно. Рядом примостился друг-карабин, обнимая

меня прохладой стали ствола. Эх... Даже зайца с тобой не добыли. Ну и ладно. Дождь кончится, и в лагерь вернусь. А там нефилтрованное и шашлык из Пятачка. Сам мариновал по-сибирски на перезрелых помидорах. От таких мыслей чуть слюной не подавился и задремал...

Проснулся от того, что истошно вопила какая-то птица. Рассветная дымка пробралась в землянку и норовила проникнуть в рукава и за шиворот. Бр-р... Я поежился. Птица завопила вновь. Как-то тоскливо и совсем по-человечески даже. Что за кукушка там вопит?

Выбрался из землянки. Ну ни хрена себе, уже белый день. Эко меня отключило. Крик повторился. Только не птица это была, а женщина. Я хотел броситься вперед, но сдержался, подумывая вернуться в землянку за карабином. Любопытство взяло верх. Осторожно пробрался через заросли и увидел метрах в пятидесяти картину маслом. Группа людей в немецкой форме времен ВОВ выстроила на опушке ряженую в полулохмотья хмурую массовку. Ого! Как они здесь очутились? Кино что ли снимают? Решил понаблюдать, не мешать съемкам. Присел на корточки.

Я устроился поудобнее, поерзал, чтобы выпирающий из земли корень не мешал, отвел от лица ветку куста. Вот теперь обзор был отличным, вид на поляну – самый что ни на есть киношный.

Парень в форме оберштурмфюрера, отошел в сторонку,

сорвал травинку и принялся ее жевать с философским видом. На самодовольном лице блуждала улыбка, будто думал он о чем-то приятном. Остальные шестеро нацистов деловито суетились вокруг грузовичка.

Borgward B3000 здорово смахивал на настоящий. Только слишком уж новехонький для такой старой машины. Маринка, конечно, размахивала руками, доказывая, что реконструкторы воссоздают эпоху до мельчайших деталей, но мне как-то в голову не приходило, что до такой степени, чтобы машины заново воссоздавать... Хотя, что я придираюсь? Есть же двинутые на ретромобилях... Этих самых Бургвардов трофейных должно было в Союзе остаться тысячи. Прикупил за бесценок ржавеющее барахло, приложил прямые руки, и вот тебе, пожалуйста – новенький, как с конвеера, грузовичок, из которого ряженные нацики ссаживают угрюмую толпу, одетую под мирняк. Хотя с достоверностью перебор на мой вкус. Ладно, взрослые могут сходить с ума как хотят, но детей на такое действо тащить... Ну такое себе...

А вот тому мужику с бородой прикладом наподдали прямо чувствительно, так и ребро могли сломать, а то и парочку... Интересно, а стоп-слова в таких постановках есть? Или там заранее в сценарии расписывается, кого можно по-настоящему стукнуть, а кто готов просто для массовки с испуганным видом постоять.

Мирняк, тем временем согнали в живописную кучу. Мужики, женщины и дети жались друг к другу. Пацан лет де-

сяти сжимает в одной руке ладошку растрепанной девчонки лет семи. А та обнимает уродливого плюшевого мишку.

Ух, даже меня проняло от безнадежности на их лицах. Я подался вперед, выискивая глазами оператора. Ну не могут же они устроить такое действо и никак его не зафиксировать? Я могу еще поверить, что зрителей эти реконсы могут не любить, мол, смысл их развлечения – полное погружение в эпоху, а шатающиеся вокруг придурки со смартфонами ну никак не вписываются в реалии сороковых годов двадцатого века.

Оберштурмфюрер выплюнул травинку и бросил по-немецки (язык я понимал, по работе положено):

– Гоните этих свиней туда, – махнул рукой в сторону невысокого вала взрыхленной земли. Явно не так давно выкопанная траншея. Нацики, весело похохатывая и переговариваясь принялись толкать мирняк куда приказано.

Нет, все-таки перебор.

Неужели участие в таких мероприятиях и правда может кому-то нравиться? А главное – на фига? Нет, я, конечно, в чем-то понимаю еще всяких любителей разбежаться по окопам и пострелять друг в друга из игрушечного оружия, защитив предварительно нежные части тела, чтобы пластмассовые пульки, не дай бог, какого вреда не причинили... Но чтобы вот так? Получать удовольствие от того, что ты ведешь себя, как скот? Причем с любой стороны. Одних, как скот гонят на убой, и они безропотно топают. Другие... Я высу-

нулся из-за дерева, чтобы лучше видеть лицо оберштурмфюрера. Тот стянул с головы кепи, вытащил из кармана платок и промокнул взмокший от начинающейся жары лоб. И к костюму не придраться, все идеально. Видал я раньше всяких ряженных в Выборге. Так тамошние викинги и рыцари частенько щеголяли в берцах, как попало замаскированных намотанными тряпками, а из-под длинных платьев прекрасных дам то и дело выглядывали кроссовки. А эти прямо задурились. Интересно, если их до трусов раздеть, то там тоже все будет достоверно? Или все-таки соблюдается только внешний антураж? Надо будет подойти расспросить, когда действо закончится.

До этого момента мирняк вел себя пришибленно и тихо, но когда дело дошло до построения в линию на краю траншеи, одна из женщин громко взвыла и бросилась под ноги нацикам.

– Ребятишки, не убивайте! Христом Богом молю, хоть детишек пощадите!

Нацики хором заржали, один из них, типичный такой истинный ариец с лошадиной рожей, забросил автомат за спину, приподнял тетку за плечи, дернул вверх и поставил прямо. Приобнял, будто собирался сделать с ней совместное фото.

– Ганс, перестань паясничать, мы и так уже долго возимся, – породистое лицо оберштурмфюрера презрительно скривилось. На немецком эти нацики шпарят, конечно, пря-

мо как на родном. Хороший препод, даже акценты поставил. Их главный явно откуда-то из Штутгарта, шепелявящий швабский акцент отчетливо проскальзывает.

Женщину водворили обратно в строй. За ее юбку тут же уцепилась та девочка, с мишкой. Пацан тоже стоял рядом, с видом суровым и несломленным. Два оскара этим детям! Даже в фильмах про войну так не играют!

– Огонь! – лениво скомандовал оберштурмфюрер и махнул рукой. Нацики вскинули шмайссеры, затарахтели выстрелы, поволокло знакомым запахом порохового дыма.

Я обалдело наблюдал за сценой рассрела. Потер кулаками глаза, потряхнул головой. Я правда вижу то, что вижу? Фигуры мирных жителей сломанными куклами валились в траншею, места попадания пуль набухали красным, брызги крови...

Да как, черт побери, это сделано?! Мешочки с кетчупом и петардами внутри? А детонация? Петарды поджигать все-таки надо, а я что-то не вижу ни у кого в руках зажигалок...

Твою мать, да после такого реалистичного зрелища, которое какие-то любители устроили сами для себя, у меня возникает масса вопросов к современным киноделам насчет потраченных невесть куда миллионам, при реалистичности на уровне зажопинского драмкружка...

Один из нациков повернулся в мою сторону и то ли из баловства, то ли по недосмотру дал очередь. Мне на голову посыпалась труха и срезанные пулями ветки.

Заученный инстинкт моментально швырнул меня на зем-

лю еще до того, как в голове пронеслась бешеная мысль:
«Это никакая не постановка!»»

Глава 2

Ярость залила глаза, и я чуть не бросился на фашистов с голыми руками. Даже про «мосинку» свою забыл. Горло бы перегрыз на хрен, в ключья порвать отморозков! Вот ни струя же себе они тут развлекаловку устроили, по живым мишеням палить! Реалистичность у них, сука... Всякую дрянь у нас за бабки можно купить, но чтобы такое. В башке не укладывается. Я разное в жизни повидал, но чтобы вот такое... И где?! В благоустроенных и причесанных лесах Ленинградской области?!

Метнулся в землянку за оружием. Рванул карабин так, что чуть плечо не ободрал. Быстро вернулся на позицию. Посмотрел на деловито отдающего распоряжения оберштурмфюрера через прицел.

«Ты горячку-то не пори!» – сказал я сам себе. Внутренний голос, бл*ха. Исторически сложилось, что глас рассудка я всегда слышу в озвучке Корнейчука. Ленивый такой скучающий басок, который в учебке устраивал разнос по косточкам. В мосинке – четыре патрона. Фашиков передо мной десяток. При лучшем раскладе четверых я положу, эффект неожиданности. За остальными придется бегать с ножом. В принципе, шансы есть... «А пулемет?» – снисходительно уточнил Корнейчук в голове.

Точняк, пулемет же еще... Вон из люльки мотоцикла вы-

глядывает хищное дырчатое дуло. И фашик сидит, каской крутит и лыбится во всю харю.

Я убрал закостеневший палец со спускового крючка. Спокойно, дядь Саш. Положить гадов я всегда успею, и для этого необязательно самому под пули подставляться. По лесу эти г*ндоны все равно быстро ехать не смогут, прослежу, откуда их черти принесли. Заодно может и выясню, кто эту гнусь тут устроил. И, мамой клянусь, все там будет полыхать до самого горизонта... В тюрягу посадят потом, да и хрен с ним. Надо же, бл*ха, пока я по джунглям и пустыням скакал, интересы родины защищая, под самым носом расплодилось... Это... Это...

Словарь матерных выражений в голове даже как-то не сразу подобрал подходящее определение тому, что я только что увидел.

Оберштурмфюрер, тем временем, сорвал цветочек и прицепил его себе на кепи. Эстет, мать его!

Остальные фашики погрузились по машинам, радостно перехохатываясь и обсуждая сиськи какой-то Лильки.

– Куда теперь? – спросил по-немецки высунувшийся из окна грузовика водила.

– В Плескау, – махнул рукой оберштурмфюрер. – С остальным тут Ганс разберется.

«Почему они до сих пор не перешли на русский? – озадаченно подумал я. – Играть теперь вроде больше не перед кем...»

Или мероприятие устроили для приезжих туристов?

Меня снова затрясло от злости. Это кем надо быть вообще? В воспаленном мозгу на пару мгновений вспыхнуло рекламное объявление: «Полное погружение в эпоху! Реалистичность – 100 процентов! За отдельную плату патроны и жертвы будут настоящие!»

И, такие, – фрррррр! – полетели купюры... А на их фоне в яму падали срезанные пулями старики, женщины и дети.

Грузовик и мотоцикл синхронно взревели моторами, из-под колес полетели ошметки земли. Фашики в кузове бодро затагнули какую-то развеселую песенку.

Я машинально прислушался, пытаюсь разобрать слова.

Ein Heller und ein Batzen,
Die waren beide mein:
Der Heller ward zu Wasser,
Der Batzen ward zu Wein

(С копейкой и с полтиной
Расстанусь я легко:
Копеечку – на воду,
Полтину – на вино!)

Мотоцикл и грузовик скрылись за деревьями. А я все лежал неподвижно, сжимая мосинку так сильно, что казалось, что она сейчас сломается в железной хватке моих пальцев. Нахлобучило. Мозг отказывался принимать реальность про-

исходящего. Вот травинка нос щекочет. Паук с пестрым брюхом деловито исследует мой рукав, прикидывая, как бы его приспособить к строительству паутины, которую я сломал, когда падал.

Бззззз... Комар над ухом. Кровопийца мелкий. В колено корень упирается, надо бы ногу отодвинуть. Солнечный луч пробился через хвойно-лиственный купол и припекает плечо. Пахнет сухой летней травой, тающей на жаре смолой, чем-то цветочным еще.

Вот же он, лес. Такой знакомый и обычный – елки, осинки, пни трухлявые, кусты колючие. Пичужка какая-то над головой заголосила.

А может не было никаких фашистов? Ну, сон приснился реалистичный, с кем не бывает? Вот сейчас я встану на ноги, отряхнусь от налипшего лесного мусора, а на поляне – никакой ямы, никаких трупов, никаких следов от колес.

Я поднялся, чувствуя себя деревянным, как тот буратино. Черта с два это сон. Кислый запах пороха вплетался в коктейль мирных лесных ароматов. Взрыкивал в отдалении мотор грузовика, заглушая бодрую песенку про немецкого любителя прибухнуть. А посреди поляны в земле зияла яма, на краю которой беспомощно задирал лапы плюшевый медвежонок.

Чтобы идти по свежему следу от колес в лесу, никакого навыка следопыта не требуется. Но шел я осторожно. Не пы-

тался догнать до визуального контакта, но и не тормозил. Обстановочку тоже срисовывал, мало ли что?

Ну и к местности тоже пытался привязаться. Мой внутренний компас все еще показывал мне фигу. Я точно знаю, где мы выволокли на берег свои лодки еще вчера, места вроде насквозь знакомые, хоженные-перехоженные. И туристы всякие вроде нас там частенько тусят. И дорог в лесу нака-
танных хватает.

Вот только я будто забрел куда-то не туда. Кому расскажи, на смех поднимут. В трех елках между Лугой и Вырицей заблудился, хорош разведчик! Маразм подкрался незаметно?

Что-то белое валяется, бумажка какая-то... Со следом протектора недавно проехавшего по ней колеса. Машинально подобрал, перевернул. Глаза почти бездумно пробежали по тексту листовки.

«Обдумай!

С перебежчиками обращение еще лучшее, им выдается усиленный паек и по желанию их устраивают на работу по специальности»

И чуть ниже, сразу под фашистским орлом, сжимающим в лапах свастику, мелкий шрифт:

«Эта листовка действительна как пропуск для бойцов, командиров и политработников!»

Рука сжалась в кулак, сминая желтоватую бумажку. Только пульс грохотал в пустой голове.

Я прибавил шаг, поняв, что почти уже не слышу впереди шум моторов.

Свежая колея разошлась в две стороны. С одной стороны эти фашисты приехали, а в ту сторону уехали. И отчетливо пахло дымом свежего пожара.

Колебался я всего пару секунд. Никуда, на хрен, этот грузовик от меня не денется. А там может выжил кто...

Что именно произошло, я примерно уже понял. Там деревня. Жителей согнали, отвезли к яме и перестреляли. Дома подожгли, вот дымом и тянет.

И уехали в какой-то Плескау, оставив наводить порядок какого-то Ганса.

Плескау... Плескау...

Слово какое-то знакомое, если бы на лекциях по истории на сиськи однокурсниц не пялился, может и раньше бы вспомнил.

Плескау – это же Псков! Фашисты его когда взяли, то переименовали на свой манер и свои порядки там установили. Так это я в Псковской области, получается?!

То-то мне лес кажется каким-то не таким, и привычных ориентиров найти не получается. Только вот как я сюда попал? Уснул под Вырицей, проснулся за полторы сотни километров?

От географических размышлений меня отвлек бодрый ржач и возмущенный возглас на немецком.

– Эта тварь мне руку прокусила!

Я замер, где стоял. Потом медленно двинулся в сторону голосов. Остановился и осторожно выглянул из зарослей.

Нда, картина маслом...

К смолистому стволу дерева привязана растрепанная светловолосая девушка. Одежда, вроде гражданская, но увешана пучками трав. Рядом три солдафона.

Одежда на груди пленницы разорвана, лица не видно, ветка закрывает. А вот на грудь отличный обзор как раз... Бл*хя, меня даже могила не исправит! Какой бы трэш вокруг не творился, я все равно буду пялиться на сиськи! Стыдно должно быть, дядь Саш, пятый десяток разменял почти...

– Ты смотри, Ганс, как бы она тебя бешенством русским не заразила! – каски фашистов затряслись от смеха. – Если будешь по ночам в медведя превращаться, я тебя первый застрелю!

– Откуда у тебя серебряные пули, Йохан? Обратней серебряными пулями убивают! Так что перегрызет тебе Ганс горло, гавкнуть не успеешь!

– Да замолчите вы оба, шутники нашлись!

Двигался я медленно. Чтобы ни один лядский сучок не треснул, ни одна веточка не шелохнулась. И слушал их бодрый треп во все уши. Девчонку к дереву явно не за то, что у нее отличные сиськи привязали. К соседней березке была прислонена винтовка явно не немецкого образца. «Светку», самозарядную винтовку Токарева, я в руках сам никогда

не держал, только на фотографиях видел. Винтовка с громоздкой оптикой, явно для снайперских дел предназначена. На прикладе насечки – счет убитых. А эта самая девушка из этой самой «Светки» (как я понял из трепа немцев) троих фашистов успела снять до того, как ее взяли. И теперь гордая троица в касках и с двойным «S» в петлицах ожидала, когда сюда явится какой-то герр Киснер, потому как надо допросить «эту советскую тварь» и узнать, где остальные партизаны.

Кроме этих троих – никого. Во всяком случае, пока.

– Красивая девка-то! Может пока ждем, того, а? Используем по назначению? – пускал слюну один из фрицев с закатанными по садистки рукавами.

– Уверен, что у нее там зубов нет? А то вернешься к своей Матильде, а детишек делать нечем будет!

– Но-но, ты мне сказки свои рассказывать брось!

Один из фашиков сунул привязанной девушке руку под юбку. Остальные заржали.

– Герр Киснер сказал, что сам будет ее допрашивать...

– Так мы ее рот трогать и не будем! Даже кляп вставим, чтобы не кусалась больше! Ганс, придержи ей голову!

– Не-не, Йохан, я не участвую! Меня дома невеста ждет. Как закончим здесь, поженимся. Думаю, к ноябрю управимся. А ты чего молчишь, Макс?

– У меня в октябре день рождения, я собирался его уже в Мюнхене праздновать, мы с друзьями договорились.

– Пойду отолью. Ну если Киснера услышу, крикну, чтобы вы успели штаны натянуть.

В моей голове пронеслась тысяча мыслей. Теперь ясно, что никакая это не постановка. Передо мной реальные фашисты времен ВОВ и самая настоящая девушка-снайпер.

В рот просроченный компот! Как такое вообще может быть?! Может, меня молнией шарахнуло во время вчерашней непогоды, и лежу я сейчас на сырой земле под кустиком и «мультики» смотрю в отключке. Или меня нашли, напичкали сильнодействующими, от которых мозг так заглохил?

Но нет... Реальность от сна я пока еще могу отличить. Во сне невозможно рассмотреть свои ладони. А я каждый узор на пальце вижу. И шрам от ножа араба-суннита все также перечеркивает мое запястье еще с командировки в Сирию. От осознания того, что я очутился в прошлом, на секунду впал в ступор.

Облизнул пересохшие губы и сглотнул. Как только судьба надо мной не изгалялась, на такой подлянки я не ждал. Нака, выкуси, старушка! Саша Волков и не в таких передрыгах бывал.

Соберись солдат, и слушай боевую задачу! Ликвидировать живую силу противника в количестве трех человек. Освободить пленницу и вступить в контакт с местными. А дальше будем посмотреть...

Приказы раздавать легко, особенно самому себе. Вот только, как все обстрять по-тихому? Если фрицы на каж-

дом шагу – стрелять не вариант. И еще сюда идет какой-то герр Киснер. Старший их получается. Ясень пень, что не один идет, а в составе группы.

Мои мысли прервал Ганс, что поперся отливать в кусты. Ублюдок выбрал те самые, в которых я притаился. Защитного цвета «горка» скрадывала мою фигуру на фоне окружающей зелени, и немец не утруждался вглядываться в заросли. Чувствовал себя как дома, паскуда.

Вот Ганс совсем близко и уже расчехляет на ходу строчок. Как говорится, на ловца и фриц бежит. Я рефлекторно ощупал голень, где обычно пристегнут тактический нож, но оружия, естественно, там не оказалось. Я ж в поход пошёл, блин, а не на войну. Зато есть карманный складिशок.

Я аккуратно, словно ребенка, положил карабин в траву, и вытащил перочинку из нагрудного кармана. Раскрыл игрушечный клинок. Эх... Таким только колбасу резать, а не людей.

Между тем, Ганс подошел вплотную к кусту и стал бессовестно его обыскать, водя отростком по листве. До меня меньше метра. Я даже мерзкий запах его «анализов» почувствовал.

Вот гад! Никто не имеет права обоссывать боевого офицера!

Рука моя выскочила из зарослей, как локомотив из тоннеля. Вонзила в удивленный глаз клинок по самую рукоять. Глаз противно всхлипнул, пропустив острие дальше в мозг.

Фриц икнул и обмяк, но по инерции продолжая журчать. Я юркнул из кустов и схватил его за плечи. Осторожно уложил на землю и утянул в заросли. Только мокрое пятно осталось от немца. Минус один, бл*ть.

Остальные двое уже отвязали девчонку. Один повалил ее на землю и мостился сверху, ослабившись и отплевываясь от назойливых травин, что лезли в его наглую рожу. А второй вцепился в руки девушки и растянул их как на дыбе за голову. Девчонка брыкалась, шипела, но ни проронила ни слова. Кремень. Ни истерики, ни соплей. Лишь стиснула зубы и глаза горят ненавистью. Теперь я смог разглядеть ее лицо. В гневе оно прекрасно.

Я выскочил из укрытия и ударом ботинка прямо в голову потушил свет у того, кто был сверху. Бил сходу, но прицельно, будто по мячу во время пенальти. Височная кость щелкнула и приказала долго жить. Насильник распластался на пленнице безвольной тушкой воронкой вверх со спущенными до колен штанам. Минус два.

Третий уронил челюсть и отпрянул назад, перехватываясь за болтавшийся на спине МР-40. Но не успел даже ствол направить в мою сторону, как я в один прыжок очутился возле него и воткнул утлый складишок в район сердца, чиркнув по бляхе. Раз! Раз! Раз! Несколько дырок за пару секунд. Вместо аорты фарш. Фриц булькнул кровью, будто его стошнило и, вытаращив стеклянные глаза, завалился на спину. Минус три.

Щелк, щелк! – сзади послышался характерный звук затвора.

Я обернулся. Раскрасневшаяся деваха схватилась за снайперку и держала меня на мушке. Высокая грудь бесцеремонно выбивалась сквозь разорванную одежду. Но даме было не до моветона.

– Хенде хох! – звонко отчеканила она.

– Ты что, милая? – я на всякий случай поднял руки, с окровавленного ножичка на ухо шлепнулась теплая капля. – Я ж свой. Гитлер капут, мать его за ногу. Русский я.

Девушка опустила оружие и рукой прикрыла грудь:

– Форма у вас странная. У наших нет такой.

Вот блин. Моя охотничья горка и казенные берцы явно выбивались из антуража эпохи. В таком одеянии я, наверное, был очень похож на диверсанта.

– Какое сегодня число? – уточнил я на всякий случай, хотя уже почти принял мысль о своем переносе в прошлое.

– Двадцать первое августа.

Жутко хотелось спросить про год. Но девчонка, судя по всему прошла спецподготовку и в руке у нее не коромысло, а самая настоящая снайперская винтовка со штатной оптикой. Не хочется глупыми вопросами на себя лишних подозрений навешивать.

С другой стороны, что за диверсант такой, который в годах потерялся? Так-с... Если мы под Псковом и сейчас август. Наши его отобьют только в сорок четвертом, кажется,

а сейчас немцы ведут себя слишком беззаботно. И мирняк расстреляли, и деревню сожгли. Вряд ли сейчас сорок третий. Тогда уже с деревеньками разобрались под чистую, кто был лоялен к партизанам. Да и винтовочка у девчушки не затертая, будто с конвейера. Только насечками смерти «обезображена». Судя по внешнему виду, не так давно в эксплуатации. Короче, если рассуждать логически, то сейчас...

– Двадцать первое августа сорок первого года, – пробормотал я будто разговаривал сам с собой, но при этом краем глаза наблюдал за снайпершей.

Недоуменной реакции с ее стороны не последовало. Есть! Дядя Саша молодец! Год угадал. Уже можно дальше думать. Получается, Псков сейчас в глубоком тылу у немцев. Регулярной армии красных здесь нет. Только партизанские отряды. Стало быть, и пленница из числа партизан. Забросили ее в тыл с заданием. Или может к отряду случайно прибилась.

Легенда пришла на ум спонтанно:

– Ты на форму не смотри. Не положено мне такое с рядовым составом обсуждать. Отведи меня к командиру. У меня важная информация.

– Вообще-то я младший сержант, – фыркнула девушка.

– Ну так представься по форме, – строго проговорил, придав голосу командирские нотки.

– Младший сержант Сотникова, – выпрямилась девушка, но руки по швам не убрала, придерживая порванную одежду.

– А имя у младшего сержанта есть? – прищурился я.

– Наташа, – растеряно проговорила она.

– Александр, – кивнул я в ответ. – Фамилию и звание не называю. Сама понимаешь. Веди меня в расположение отряда. Далеко идти?

– Не слишком, километров шесть.

Я собрал у фрицев оружие и личные документы. Добычей стали три «МР-40» с прямыми, как палки, магазинами, и неказистый «Вальтер Р38». Пистолет оказался только у безглазого «ссыкуна». Очевидно, он был командиром отделения.

Сдернул с командира ранец, вытряхнул оттуда требуху в виде запасного белья, консервов и прочих носков и набил его поясными патронташами, снятыми с трупов. Поймал на себе недоуменный взгляд Наташи. Сообразил, что консервы сейчас, тоже на вес патронов. Сунул их обратно в ранец. Ни карт, ни важных бумаг, естественно, у троицы я не нашел. Птицы невысокого полета.

Наташа наблюдала за моими действиями с некоторым благоговением. Руки мои умело обшаривали трупы, будто делали это каждый день после завтрака.

Да. Бывало и такое... И после завтрака, и после ужина. Всякое случалось.

Нагрузился трофейным добром, как узбекский ослик. Чем больше трофеев принесу, тем больше веры мне будет в отряде. Хотя у меня есть живой свидетель. Наташа...

Я невольно загляделся на ее загорелое личико. В сочета-

нии с соломенными волосами, смотрелось она, как с обложки. Только губы нормальные, советские. Не как у ботоксных утконосов в моем времени.

– Сержант Сотникова, – скомандовал я. – Я готов. Веди к командиру.

Девушка чуть улыбнулась и, закинув винтовку за спину, зашагала в сторону чащи. Я поспешил следом. Взгляд невольно уцепился за перекаты ее ягодиц. И даже пуританская юбка ниже колена, которую бы даже строгие бабки на лавке возле дома сочли бы приличной, не способна скрыть их наливную упругость.

Я вздохнул. Не о том думаешь боец. О Родине думать надо. И о себе любимом немножко. Задача номер р-раз на сегодня – выжить любой ценой.

Что ж... Начало вроде положено. Вот только смутные сомнения терзают мозг разведчика. Нет у меня никакой информации и документов при себе нет. Чую, встреча со своими предстоит неоднозначная. Ладно, где наша не пропадала. У меня есть часа полтора, чтобы обкатать в мозгу свою новую легенду.

Глава 3

– Отскочу за кустик на минуту, хорошо? – с виноватым видом проговорил я и развел руками. Вовремя сообразил, что прежде чем топать в логово партизан, надо бы избавиться от содержимого своих карманов. Фиг с ними с берцами и камуфляжем, тут хоть отболтаться можно. А винтовка у меня так и вовсе как родная в этом времени смотрится. Но вот «Ксиоми», даже со сдохшим аккумулятором, вейп с плещущимися там остатками жижи (его я все-таки подобрал после того как зашвырнул вчера в кусты, жаба задавила выбрасывать), китайский мультитул и прочие рассованные по карманам мелочи, привычные для века двадцать первого, в веке двадцатом вызовут вопросыки. Я бы даже сказал, ВОПРОСИЩИ.

Я присел за здоровенным выворотнем и выгреб все из своих карманов. Криво ухмыльнулся, покрутил в пальцах сверхтонкий дюрекс. Выглянул в щель между корнями. Наташа деликатно стояла ко мне спиной. Чтобы не заставлять ее долго ждать, я зубами надорвал упаковку презерватива, спихал в скользкий от смазки мешочек все свои компрометирующие мелочи. Секунду подумал и добавил туда же туго скрученный рулончик рейхсмарок, который я незаметно сунул себе в карман, когда Ганса обыскивал. И часы на цепочке из его же кармана. И тогда рассмотреть не успел, и сейчас

особенно было некогда. Уместил все это богатство в ямку, прикрыл сверху куском дерна, швырнул горсть прошлогодних листьев. Медленно огляделся, мысленно фотографируя ориентиры. Приметный камень с отколотым краем. Гриб на дереве двойной, красноватый. Косо упавшая сосна с обгорелым стволом. Есть, запомнил. При необходимости отыщу свои сокровища, как два пальца об асфальт...

Я вернулся к Наташе, деловито поддергивая штаны.
— Ну что, двинулись?

Наташа шла по лесу уверенно. Я двигался за ней след в след, наблюдая, как она гибко уворачивается от веток, как ставит ноги в кирзовых сапогах четко в те места, где ничего не может хрустнуть или провалиться. Пока фашистов обыскивали, она даже как-то успела привести себя в порядок. Безжалостно растерзанная рубашка, которая еще полчаса назад смотрелась сущими лохмотьями, снова приобрела относительно приличный вид, была застегнута на чудом сохранившиеся пуговицы, а сверху еще прикрыта кофтой, которую я сначала даже на ней не заметил. Впрочем, я тогда был занят тем, что пялился на ее голую грудь, я и парадный мундир марсианской морской пехоты бы не заметил. И волосы растрепанные причесала. Теперь они были скручены аккуратным узлом на затылке. Гребешок у кого-то из фрицев подрезала, наверное. Или свой был.

Девушка вдруг замерла и подняла правую руку. Она на-

пряженно прислушивалась, а я опять залюбовался ее профилем. Ммм, эта выбившаяся прядь волос над розовым ушком... У меня даже сердце чаще забилося.

Она бросила на меня взгляд через плечо, и ее губы тронула легкая улыбка.

Я сделал шаг к ней поближе.

– Что там? – прошептал я ей на ухо, мимоходом коснувшись плеча. Я ничего подозрительного не слышал. Пичужки бесечно щебечут, в траве стрекочут кузнечики.

Она снова стрельнула в меня веселым взглядом, потом сжала ладонью мой локоть. Молчи, мол.

Приложила руку к губам и издала пронзительный птичий крик. Потом ее губы зашевелились, будто она считала до пяти. Повторила трель. Снова пауза. И еще раз.

Появился он не то чтобы внезапно. Наверное, кто другой бы не заметил, но у меня взгляд тренированный, так что перемещение кучи веток и травы я сразу засек.

– Наташка! Живая! – дозорный стащил с головы шапку, утыканную пожухшими уже ветками и порывисто обнял девушку. – А Степка сказал, что тебя того... Повязали... А это кто еще такой пятнистый? Ненашенское лицо какое-то...

– Это Саша, он меня у фрицев отбил, – Наташа торопливо освободилась от его объятий и глянула на меня. Сначала на камуфляж, потом на ботинки. На ботинках взгляд ее задержался надолго... – Степка вернулся, значит? Девчонок привел?

– А мы сегодня свиньей разжились, так что ужин будет барский! – гордо заявил дозорный. – А может этому Саше все-таки глаза-то завязать? Иваныч ругаться будет...

– Он троих фрицев убил! – огрызнулась Наташа и посмотрела на меня как будто виновато.

– А ежели он для отвода глаз только? – дозорный подозрительно прищурился и осмотрел меня с ног до головы. А я его, соответственно. Пожилой уже дядька, под полтос ему, пожалуй. Впалые щеки покрыты пегой щетиной, пальцы на правой руке желтые, курит много, видать. Махорку или беломор какой-нибудь. Такого типа легче всего представить где-нибудь на завалинке возле сельпо в райцентре. Но винтовку держит уверенно. И взгляд цепкий, а не мутный, как у какого-нибудь деревенского синюгана.

– Ежели он расположение наше потом фрицам сдаст, а? – напирал он.

– Да что ты такое говоришь вообще?! – Наташа нахмурилась. На меня она больше не смотрела, на щеках заиграл румянец. Или злится, или стыдно ей за недоверие этого хмыря.

– Больно ты доверчивая, Наташка! – он погрозил ей пальцем и зыркнул в мою сторону.

– Зато ты такой бдительный, аж тошно! – фыркнула Наташка. – Фрицы все еще под Ольховкой стоят?

– Утром манатки собрали и уехали, – бодро отозвался мужик.

– И танк?

– И танк.

Повисло молчание. Наташа сверлила взглядом ни в чем не повинную елку, партизан-селянин сосредоточенно сопел и нежно поглаживал пальцами свою «мосинку».

– Правила есть правила, – сказал я с демонстративным добродушием. – Валяйте, завязывайте мне глаза. Не те времена нынче, чтобы первому встречному доверять!

– Вот это ты молодец, вот это дело! – партизан сразу засуетился и потащил из кармана сероватый платок. Вместе с тканью из кармана посыпалась табачная крошка и какой-то прочий мелкий мусор. «Фу...» – подумал я. Но виду не показал. Старательно корчил лицо добродушного, но не очень умного парня. Улыбался, руки в стороны разводил, ладони демонстрируя. Глазами хлопал простодушно. Приемчики примитивные, но вполне работают даже на тех, кто знает, что никакой я не пентюх с сельских выселок. Психология, мать ее ети. Даже самый бдительный хрен поневоле расслабится. Правда, по этой методичке много кто воспитывался, так что не думаю, что этот номер прокатит, когда меня начнут с пристрастием расспрашивать о том, кто я такой, откуда взялся и что это за ботинки такие нацепил, и где взял.

Тьфу ты, бл*яха, дались мне эти ботинки... Можно подумать, у меня кроме ботинок докопаться не до чего. Если до трусов разденут, то что? Врать им, что мне мама на трусах имя вышивала, чтобы в школе чужое белье не натянул в раздевалке? Что на самом деле меня Кельвин Кляйн зовут, или

что там за лейбл у меня на трусах и майке?

– А звать-то тебя как, дядя? – спросил я, глядя как партизан деловито складывает мятую тряпочку удобной для завязывания глаз полосой. Чуть на заржал над его ответственным лицом, мировую проблему решает мужик, не меньше!

– Для тебя Сергей Гаврилович, – ответил он, старательно сопя. Вредная тряпочка никак не хотела нормально складываться, а еще ему боком приходилось держать винтовку, так что стоял он в позе цапли, решившей одновременно вздремнуть и почесать о дерево задницу. – До моих лет дорастешь, буду Серегой...

– А ты какого года рождения? – спросил я. Партизан нахмурил брови и посмотрел на меня исподлобья. Я радостно оскалил лицо в улыбке доктора Ливси. – Ну эт я чтобы понимать, когда до твоих лет дорасту!

– Одна тысяча девятьсот первый, – с важным видом ответил Серега, у которого наконец получилось превратить платок в нужной ширины полосу. Фиг его знает, чего он так долго с этим возился, мог бы просто мешок какой на башку мне натянуть, делов-то...

– Так это тебе целый сорокет получается? – присвистнул я с уважением. И прикусил язык, чтобы не ляпнуть, что я думал, что все пятьдесят с гаком. – Может мне присесть, дядя Сережа? Тебе тогда вязать будет удобнее...

Платок вонял махоркой и хозяйственным мылом. Но кажется в него не сморкались. Я такие платки помню, у меня

бабушка всегда похожим волосы прикрывала. Белый в мелкую точку. А она как раз из этих мест была.

– Все, готово! – заявил Серега. Я его не видел, но отчетливо представил, как он встал, гордо подбоченившись. Орел-мужчина! – Теперь не подсмострит! Веди в расположение.

– А ты? – спросила Наташа, и я почувствовал, как ее ладонь крепко сжала мои пальцы.

– А я на посту! – ответил Серега, и зашуршали ветки. Ага, шапку маскировочную снова натягивает. – Мне тут еще до ужина куковать! Свининки мне там оставьте только!

Мы двинулись. Глаза мне Серега завязал старательно, но неумело. Я спокойно мог смотреть себе под ноги, видел пятки наташиных кирзачей, траву, выпирающие из едва заметной тропы корни.

– Мы пришли... Саша, – Наташа смущенно споткнулась на моем имени и отпустила мою руку. Я стоял, опустив руки и ждал, когда она снимет с меня повязку. Так-то я и сам мог, руки же не связаны, просто мне хотелось, чтобы Наташа подошла еще ближе и прикоснулась ко мне.

Ее пальцы тронули мои щеки, я прикрыл глаза, чтобы не ослепнуть, когда она снимет повязку. Огляделся.

Я стоял в центре вытоптанной круглой поляны. Справа из-под травяной «челки» виднелся вход в землянку. Рядом с утопленной в землю дощатой дверью, прямо на сосне, доска объявлений. Бл*хя, я даже глазам своим не поверил! Натуральная такая доска объявлений! В правом верхнем углу –

гордый профиль Сталина, левую половину фанерного листа занимает желтоватый газетный лист, на правой пришпилено несколько бумажек. И черно-белая фотокарточка бравого парня в тельняшке. А под ней на полоске бумаги выведено четкими чертежными буквами: «Степану Мурзину объявляется торжественная благодарность за проявленные смелость и героизм!»

А еще правее висел треугольный вымпел. Но он был скукожившийся, так что прочесть, что на нем написано, мне не удалось.

Чуть в отдалении стояли, прикрытые лапником, две телеги с прилаженными на них станковыми пулеметами. Тачанки, надо же! Чуть не прослезился от умиления, но тут же выдал себе мысленного леща. Можно ржать сколько угодно, но смертоносность этой штуки была весьма впечатляющей. Но раз тут стоят тачанки, значит и лошади у этого подразделения тоже имеются. И лагерь на самом деле сильно больше, чем кажется на первый взгляд.

Ага... Вон там за сплетенной из мелких сосенок стенкой – кухня. Дальше я заметил вход в еще одну землянку, не такой благоустроенный, как тот, рядом с которым я стоял. Двери на ней не было, просто квадратная нора в земле. Погреб-холодильник явно.

– Ты мне голову-то не морочь, нос не дорос! – донесся до меня чей-то противный сварливый голос. Такой мог при-

надлежать и бабке, и деду. Причем совсем необязательно это могут быть персоны почтенного возраста, некоторые и в молодости латентные бабки. И говорят точно вот так...

— Да говорю же, сначала надо картоплю закинуть, а уже потом лучок мелко покрошить. Только на картопле сначала должны поджарки появиться, а ежели лук сразу бросить, то получится размазня вареная, хрустеть не будет.

— Умный больно, я смотрю! Молча сиди, советы он мне тут будет давать...

— Так вкуснее же будет!

— Заботливый ты наш! Картошку давай чисти и не возни-кай! Вкуснее ему!

Видно собеседников мне не было, только слышно.

Вообще, немаленький явно лагерь. И не времянка. Нормально так окопались партизаны. По беглым прикидкам их тут не меньше пары сотен человек. Такая боевая единица не может работать стихийно. Наверняка есть связь с регулярными частями РККА. Хреново, блин. Так просто «Петрушкой» не прикинешься.

Одно дело навешать лапши мужикам с ружьями, другое дело кадровым офицерам. Наверняка командир при звании, а не председатель колхоза. Не удивлюсь, если еще и особист у них свой имеется.

По сути партизанский отряд в сорок первом – сборная солянка из крестьян, чекистов, НКВДшников, перебежчиков (батрачивших на немцев), военных, отбившихся от своих ча-

стей, партработников, оставшихся на оккупированной территории и прочих неприкаянных душ. Мне легче было притвориться каким-нибудь заблудшим козликом, дескать, деревню сожгли, и мамку потерял, вот и мыкаюсь по лесам. Возьмите в отряд. Ух, как за деревню свою бить гадов буду!

Но моя чертова одежда и «манеры» поведения с фрицами (три трупa за десять секунд), никак не вяжутся с образом деревенского Ваньки. Получается, что надо косить под армейскую разведку. Это сложнее. Вспомнить бы ее структуру. Такс... ГРУ еще не народилось, значит разведка сейчас относится к какому-нибудь управлению Генштаба Красной армии. Вроде к пятому. Или к четвертому? Эх... Историю разведки в академии лучше надо было учить в свое время.

Мои размышления прервала Наташа.

– Пойдем к командиру, – потянула она меня за рукав в сторону той землянки, возле которой торчала колоритная доска с объявлениями.

Постучала в дощатую дверь и, приоткрыв, просунула голову:

– Разрешите, товарищ капитан?

Землянка в ответ, что-то буркнула. Девушка обернулась ко мне и кивнула, мол, подожди пока, а сама юркнула в темный проем. Через пять минут из землянки вылез моложавый конопатый красноармеец в телогрейке (жара такая, как он не упрел?) и тыкнул пальцем на мою тушку, обвешанную шмайсерами, карабином и прочими трофеями, как елка но-

вогодними игрушками:

– Дядя, оставь оружие у входа, я покараулю.

Я скинул с себя тяжелую ношу. Приятно снова ощутить легкость, но без оружия чувствовал себя будто голым.

– И пистолет тоже, – углядел «Вальтер» рыжий боец.

Пришлось отстегнуть кобуру. Свалил все в кучу у входа. Снял ранец и подсумки с патронами.

Я вошел в подобие пещеры, только стены выложены смолистым нетёсаным кругляком. Внутри помещение оказалось просторнее, чем выглядело с улицы.

Дощатый стол, лежанка, полки. Вместо табуретов – пни. Похоже на штаб и жилую комнату командира одновременно. За столом на единственной лавке сидел усатый мужик с лицом хмурого гусара. Даже усы подкручены совсем не по-пролетарски. Гимнастерка с петлицами капитана Красной армии никак не вязалась с аккуратно выбритой бородкой и пографски белой необветренной кожей. Так и хотелось спросить: «Ваше благородие, что вы забыли в партизанском отряде?».

Рядом переминалась Наташа. Поглядывала то на меня, то на капитана.

– Садитесь, – кивнул тот на сосновый пенёк напротив него. – Я командир партизанского отряда капитан Слободский Федор Ильич. Расскажите о себе. Фамилия, звание. Какие у вас задачи?

Прежде чем усестись на «табурет» я хотел протянуть руку

местному «боссу», но тот восседал с каменным лицом и не собирался делать ответных поползновений. Что ж... Будем держать марку. Раз ты капитан. Значит, я не ниже.

– Капитан Волков Александр Николаевич. Первое отделение войсковой разведки штаба фронта, – проговорил я, добавив в голос официоза и холода.

– Из самой столицы к нам пожаловали? – прищурился Слободский. – Какими судьбами, товарищ капитан?

– Я не уполномочен распространяться о задании в присутствии посторонних, – покосился на Наташу, та нахмурилась, а я незаметно улыбнулся ей уголком рта, дескать, извини, родная, служба.

– Сотникова, выйди, – кивнул девушке капитан.

Та, закусив нижнюю губу, поспешила к выходу. Видно все-таки на меня обиделась. После того, что «между нами было», я открыто выразил недоверие к ней.

Дверь за ней хлопнула слишком сильно. Струйка песка с потолка щекотнула за шиворотом.

– Рассказывайте, – сверлим меня испытывающим взглядом командир.

– Моя группа была закинута в окрестности Пскова для организации секретной операции. В ходе десантирования, самолет был сбит. Выжил только я.

– Что за секретная операция?

– Немцы уже на подступах к Ленинграду и его окрестностям. По данным разведки вместе с Германской армией «Се-

вер» прибыли и уже всю действуют немецкие искусствоведы, которым поручено описать и вывезти как можно больше предметов, представляющих художественную ценность. Одной такой ценностью, является Янтарная комната. Великое культурное наследие России, жемчужина летней резиденции российских императоров в Царском Селе.

Слово «Россия» употреблять сейчас не принято, но я специально это сделал, уловив в происхождении командира аристократические черты. И вроде не ошибся. Тот принялся меня подробно расспрашивать об этой Янтарной комнате.

В наше время каждый знает, что ее похитили фашисты в октябре сорок первого и с тех пор она бесследно исчезла. Моих поверхностных знаний туриста (бывал я на экскурсии, видел восстановленный дубликат комнаты) вполне хватило, чтобы выглядеть убедительным экспертом в этом вопросе и рассказать о тоннах ценного и редкого по степени прозрачности янтаря, флорентийских мозаиках, в сочетании с двумя тоннами золотых и серебряных подсвечников и прочих украшений.

Командир слушал с неподдельным интересом, а затем спросил:

– Объясните, товарищ Волков. Одного не пойму. Где мы и где Царское село. Почему вас забросили именно сюда?

– По нашим сведениям вывозить ценности будут через Псков, – уверенно вещал я, так как помнил, что Псков во время ВОВ стал неким тыловым плацдармом для фашистов,

гады даже считали его своим. – Немецкое руководство, которому поручен вывоз ценностей, находится здесь. Моя задача предотвратить хищение Янтарного кабинета.

Командир согласно закивал. Есть! Зацепил вояку за живое. Хотя на вояку он не похож. На офицера – да, причем белогвардейского. И звание у него не особо высокое для командования таким количеством рыл. Может из бывших? Разжалованных? Ну, это мы еще прощупаем.

– И как вы теперь собираетесь осуществить задание в одиночку? – спросил Слободский.

– Вы мне поможете, – с каменной мордой кивнул я.

– Мы? – капитан растеряно накрутил на палец ус, отчего стал вдруг похож на Барона Мюнхгаузена.

– В таком случае ваше руководство, должно выйти на наше, и если будет приказ, то...

– Вы не понимаете, капитан. Это все долго. Я налажу агентурную сеть в оккупированном Пскове. От вас нужна лишь огневая поддержка в нужное время и в нужном месте. Но повторяю. Операция секретная. Никто не должен знать цели моего пребывания здесь.

Чем безумнее идея, тем легче в нее поверить. Если бы я сказал, что обычный разведчик и собираю данные о количестве сил противника в прифронтовой зоне, то все непременно бы кинулись устанавливать мою личность. Делать радио запрос, или какая там у них сейчас связь организована с центром? А так был шанс остаться в тени. Мол, птица я важная

и не лезьте ко мне с вашими мелочами. Могло прокатить. Но, как оказалось, не в этот раз.

— И все же, — капитан встал. — Товарищ Волков, для начала мы должны убедиться, что вы тот, за кого себя выдаете.

— Согласен, — кивнул я, хотя ни хрена я был не согласен и даже матюгнулся про себя. — Где мне можно расположиться?

Если все-таки они взялись меня проверять, то ночью слиняю. Эх... Придется раздобыть нормальную одежду и попробовать примкнуть к другому отряду. Поменьше. Интересно, есть они здесь еще?

К регулярной армии прорываться резона нет. Особисты примут под белы ручки и к стенке. А так еще повоюем. До сих пор перед глазами стоит расстрел крестьян. Три фашика уже есть на моем счету. Но этого мало, чтобы стереть образовавшуюся сегодня травму «детства».

— Простите, товарищ капитан, но подходящего помещения у нас нет для условно задержанных, придется вам в яме подождать.

— В какой еще яме? — чуть не добавил к фразе «на х*р».

— Для задержанных. Сами понимаете, камер не имеем. Так что не обессудьте.

— Спасибо за гостеприимство, товарищ Слободский, — капнул я ядом. — Ведите в вашу яму.

— Пелепчук! — крикнул командир.

— Я! — дверь распахнулась и в проеме нарисовался конопатый с винтовкой.

Ствол неуклюже зацепился за косяк. Красноармеец поправил его и принял вид бравый, но чуть придурковатый.

– Уведите, задержанного, – кивнул на меня капитан.

– Есть!

Ах, вот как. Значит, я все-таки задержанный? Тогда лезть надо прямо сейчас. Из ямы хрен потом выберешься.

Я уже прикидывал, как выключить капитана ударом в челюсть. Как снять у него с пояса «ТТ», как отобрать винтовку у «ребенка» в фуфайке, но за спиной рыжего вдруг показались еще две фигуры с автоматами наперевес. Видно капитан заранее готовился к такому сценарию. Вот черт... В яму так в яму. Не хочу погибнуть от рук своих и тем более кого-то из них убить.

Глава 4

«Самое время философски закурить», – подумал я, задрав голову. На самом деле, выбраться из этой ямы не то, чтобы очень сложно, конечно... Но дело-то ведь совсем не в этом. Вот, что значит, слепил легенду на коленке, не озаботившись предварительным изучением противника.

Хотя засада, конечно, доказывать своим, что я тоже свой. Что я костыми тут лягу, чтобы фашистскую гадину истребить, что...

Ну да. Только этот командир с породистым лицом мыслей читать не умеет. А видит он, что явился какой-то хрен в непонятной одежде и лепит сходу всякую ерунду. А у них тут настоящий ад, фашисты как у себя дома ходят, и Красная армия отступила. И в лесу ямы с расстрелянным мирняком. Поневоле начнешь параноить, какое уж там доверие с первой встречи?

Да ладно, дядь Саша, чего ты раскис, в самом деле? Живой, руки-ноги целы, побарахтаемся еще!

– Саш... – раздался сверху тихий шепот. – Саша? Ты как там?

– Лучше всех, Наташенька, – криво усмехнувшись, ото-звался я. – Обед из трех блюд и спальня с балдахином.

– Все шутишь... – пробормотала она. – Я тебе поесть принесла. Сейчас, бечевку привяжу, спущу.

– А того борзого типа, который меня охранять вызвался, ты куда дела? – спросил я. – Отправила в Москву со срочным донесением?

– Скажешь тоже... – она тихо фыркнула и засмеялась. – Вот, лови!

Вниз пополз солдатский котелок на бечевке. И к ароматам сырой земли и плесени добавился аппетитный запах мяса с картошкой. Кучеряво живут партизаны... Даже на подозрительного шпиона еды хватило. Впрочем, война же еще только началась. Два месяца всего. До голода еще...

Я опять мысленно себя обматерил, что в свое время историю учил с пятого на десятое. Тут читаю, тут не читаю, тут мы в покер с парнями на задней парте играли. И сейчас испорченный гуглом мозг мне только какие-то ошметки знаний об истории этого времени подкидывает. Ну да, немецкие и советские танки я перечислю, даже если меня среди ночи разбудить, а вот, что там с точными датами и ходом боевых действий – начинается сплошной туман.

Я поймал котелок, накрытый сверху горбушкой серого хлеба.

– Спасибо! – прошептал. На самом деле жрать хотелось уже так, что казалось, что еще чуть-чуть, и обозленный желудок начнет методично обгрызать весь окрестный ливер.

– Я не верю, что ты шпион, – прошептала сверху Наташа. – Ты какой-то странный, это правда, но в то, что ты за фрицев, я не верю ни капельки!

– Это хорошо, – не очень внятно пробормотал я, потому что рот был занят.

– Все обойдется, – после паузы прошептала Наташа. – Командир у нас умный...

Я промычал что-то одобрителное, выскребая со дна котелка остатки густой похлебки, щедро сдобренной чесноком и перцем. Хорошо, но мало. Еще бы пару раз по столько...

– Спасибо, Наташ, – совершенно искренне сказал я и привязал котелок к свисающей сверху бечевке. – Спасла от голодной смерти, можно сказать.

– Да чего уж там... – смущенно проговорила она, и потащила котелок обратно наверх.

«Надо было подольше есть, – подумал я. – А то ведь сейчас она уйдет, останусь в яме один, наедине с упадническим настроением...»

– Пить хочешь? – спросила она и завозилась. Отлегло. Кажется, она поудобнее устраивается, не собирается прямо сейчас уходить.

– Ага, – отозвался я. Через минуту сверху поползла привязанная к той же бечевке фляжка. Открутил крышечку, сделал большой глоток. Вода была теплой, с заметным илистым привкусом. Как бы меня тут понос с непривычки не прохватил! Мне, конечно, всякое в жизни приходилось пить и жрать, но тут вряд ли в питьевую воду обеззараживающие таблетки кидают.

– Наташ! – прошептал я, сделав еще один глоток. – А ты

как в партизанский отряд попала?

— Ну... — она замялась. — Когда война началась, отца сразу в армию забрали, он в Красной армии еще в гражданской воевал. А мама с малыми засобиралась к родне в Воронеж. И меня с собой звали, но я не поехала, сказала, мол, потом вас догоню, куда спешить-то? На самом деле, мне было как-то совестно вот так убегать. Мамка-то понятно, у меня двое братьев и сестра, младшему пять лет, старшей двенадцать.

Она помолчала, вздохнула, будто собираясь с мыслями.

— А потом... Потом уже было поздно, — она издала нечто среднее между смешком и всхлипом. — Псков начали бомбить, мост взорвали, армия отступила, кто-то успел эвакуироваться, кто-то нет. Потом были те два фрица. Дом обшаривали на отшибе. И винтовку один оставил прямо у дверей, а я в сарае пряталась. Страшно было, ужас. Но что было делать? Они бы иначе меня нашли. Я выбралась, винтовку схватила и застрелила обоих. И в лес. Четыре дня пряталась, а потом меня командир нашел. Ну вот с тех пор и... Это сколько, получается? Месяц почти я в отряде.

Она снова помолчала, повозилась, потом ее голос зазвучал ближе, будто она к решетке ближе придвинулась.

Опа... Я задумчиво поскреб щетину на подбородке. А я думал, Наташа штатный снайпер со спецподготовкой (вспомнил, как она держалась с той покойной троицей фрицев). Считал, что прибилась от регулярных частей или из НКВД, а она оказывается, самородок. Или нет?

– У меня же разряд по стрельбе, я в Осоавиахим со школы занималась, – уже быстрее и увереннее продолжила она. – На соревнования ездила, два раза в области первое место занимала...

– А звание сержанта тебе командир дал? – спросил я. На самом деле, даже как-то не думал ее на чем-то подловить, слушал историю, подперев щеку кулаком. Как страшную сказку, практически. В военное время со званиями та еще чехарда творилась, а уж в партизанских отрядах, которые спешно сколачивали из всех подряд, так и вообще...

– Ну... – Наташа вдруг споткнулась. Я прямо всей кожей ощутил эту заминку, будто я в какое-то неподходящее место ткнул. – Я это... Наврала про сержанта, вот. Ты такой грозный в тот момент был... Хотелось как-то... Что-то такое сказать, чтобы ты ко мне серьезно отнесся. Вот.

Я задрал голову, чтобы рассмотреть лицо Наташи. Но видно мне было только край ее подбородка. Встроенного детектора лжи у меня в ушах нет, конечно, но что-то она тут накрутила! Может и правда наврала про сержанта тогда, а может сейчас старательно лепит что-то... Вот только зачем?

А она продолжала торопливым шепотом рассказывать истории из своей партизанской жизни. Про Степку, с которым они вели по лесу близняшек Иверневых, которые в лесу заблудились. И нарвались на фрицев там, где вообще не ожидали. Уходили по кустам, Степка с девчонками скрылся, а она попалась. Про свинью, которую в лесу поймали. Сбежа-

ла, видать, от фрицев, когда те деревню грабили. Сначала думали, зарезать хрюшку, но командир сказал, что свинка – герой, а героя на обед пускать – это не по-советски. Так что пока я с командиром разговаривал, для хрюшки отдельное укрытие соорудили. Будет теперь в отряде свинья-партизан.

Она тихонько рассмеялась, и я вместе с ней. Мои сомнения постепенно улетучивались. Подозревать в чем-то девчонку вздумал! Ее там вообще-то фашики насиловать собирались, она могла что угодно наплести с перепугу. Уметь стрелять и быть солдатом – это все-таки не одно и то же...

Она вдруг замолкла на полуслове и прислушалась к голосам где-то в стороне. Мне из ямы было не слышно, что там за суета началась. Наташа вскочила на ноги.

– Вы чего такие суровые? – спросила Наташа у кого-то.

– Надо этого пятнистого достать, – хрипло ответил кто-то и хрипло заперхал.

– Освободить приказали? – обрадовалась Наташа.

– Натаха, в сторону отойди, а то решеткой зашибем еще, – пробурчал второй голос. Сверху посыпалась сухая хвоя и прочий лесной мусор. – Эй ты, как там тебя? В сторону сдвинься, я лестницу спущу.

Я увернулся от сбитой из жердей лестницы и, не дожидаясь приглашения, полез наверх.

– Эй, ну что за дела, братцы? – я скривил удивленную и даже обиженную физиономию. – Да свой же я! Советский!

Что вы за оружие-то схватились?

Одного я уже видел, давешний конопатый в телогрейке. А две другие рожи незнакомые. Вид у них типично рабоче-крестьянский, робы черные, кепочки. Но рожи серьезные, прищур у обоих такой подозрительный.

– Шагай давай, не дергайся, – хрипло сказал один из них и снова заперхал. Второй стоял с прямой спиной, как шпалу проглотил. Здоровый, кстати, этот молчаливый черт. Перхающий курильщик почти на голову его ниже.

– Куда идти-то? – спросил я, лениво поднимая руки вверх. Злить этих ребят, кто бы они там ни были, мне не хотелось. Все-таки на одной стороне воюем, работа у них нервная.

– Вперед иди, – сказал конопатый и подтолкнул меня в спину винтовкой. – Поговорить с тобой хотят.

«Как все устаканится, леща тебе пропишу, рыжая морда!» – беззлобно подумал я. Снаружи было хорошо после душной затхлой ямы. Дневная жара слегка отпустила, стало прохладнее, комары, правда, активизировались, да и хрен с ними! Между деревьями чуть в отдалении горел костерок, вокруг него восседал десяток темных фигур, с энтузиазмом работающих ложками. А еще подальше, за брезентовой «ширмой» кто-то даже песенку пел, подыгрывая себе на чем-то струнном.

Куда меня ведут, ежу было понятно. Обратно в ту же землянку. Что там «Благородие» еще спросить меня хочет? Время у меня было доработать легенду. Еще кучу деталей при-

думал. Буду стоять на своем и попробую даже надавить на капитана. Авось, прокатит?

Краем глаза видел, как Наташа стоит чуть подаль, прижав кулачки к груди. Волнуется девка. Ну хоть кто-то за меня беспокоится в этом новом-старом времени.

Завели внутрь. В этот раз конвойные не вышли, а остались в землянке. Будто, ждали скорого приговора на мой счет, по законам военного времени, так сказать. Похоже, что дело пахнет керосином. Я огляделся, прикидывая пути отхода.

За столом на лавке восседает командир, а рядом с ним чернявый тщедушный тип с мордой пронирыливого хорька. Глазки-бусинки меня буравят, будто я насолил ему сильно. На петлицах по три кубика, старлей значит. Наверное, заместитель командира отряда. Но на обшлагах гимнастерки пришита красная звезда. Да и петлицы с кубарями – синие. Форма политсотатва. Вовсе не старлей это получается. А политрук. Сейчас у них общевойсковых званий нет. Политрук он и в Африке политрук. Похоже теперь вопросы будет задавать он.

Меня усадили все на тот же пенек.

– Здравствуйте, товарищи, – чуть ухмыльнулся я, изображая беззаботный вид. – Хотелось бы уточнить на счет ужина.

Никто не удостоил меня ответом, а хорь проскрипел (даже голос не как у мужика, а как у зверька):

– Особый отдел НКВД младший лейтенант Хайдаров Мурат Радикович.

Вот блин... Особист пожаловал! Все-таки как политрук он мне больше нравился. Тебя только не хватало! Все мои планы рухнули, как карточный домик. Только фуражка у особиста не васильковая, как в кино показывают (поэтому не признал его сразу), а цвета обычного защитного. Либо маскируется от снайперов, либо ввали киношники, когда всех особистов представляли на экранах в приметных фуражках НКВД.

– А можно ваше удостоверение посмотреть, товарищ Хайдаров, – не моргнув глазом выдал я.

Нет, я, конечно, верю, что он – особист. Вот только для легенды моей положено документы проверять. И потом, не мешало бы в памяти освежить структуру особых отделов. Думаю, в ксиве все прописано.

Хорь поморщился и полез в нагрудный карман гимнастерки, вытащил красную книжицу и чинно развернул ее перед моей мордой.

Я спешно просканировал взглядом разворот. Фотокарточка скреплена гербовой печатью. На другой стороне такая же печать ОСО НКВД полевого управления Северо-западного фронта. Должность прописана стандартная – оперуполномоченный. Звание – младший лейтенант госбезопасности. Графы заполнены чернилами, почерком брутальным, но корявым, как моя нынешняя жизнь. Ксива была новехонькая, будто заполняли ее от силы пару месяцев назад, никак не больше.

– Капитан Волков Александр Николаевич, – холодно кивнул я в ответ. – Должность мою товарищ Слободский, думаю, вам уже сообщил. – Я многозначительно покосился на стоящих за моей спиной красноармейцев, дескать лишние они здесь.

Но Хайдаров и глазом не моргнул, не повелся на мои намеки.

– А теперь назовите свое настоящую фамилию, – процедил он. – И звание, если таковое имеется.

– Что значит «если», старлей? – гневно зыркнул я на него. – Сам понимаешь, на задание документы не берем.

– Сдается мне, товарищ Волков, что нет такой формы одежды у войсковой разведки, – кивнул он на мою «много-страдальную горку». У итальянцев похожая имеется, но не у нас.

– Это новый экспериментальный образец. В серию не пошел еще, – уверенно накидывал я версии.

– Мы сделал запрос в штаб, – Хайдаров впился в меня взглядом. – Официальный ответ придет по радиограмме завтра. Но предположительно, уже известно, что никакого капитана Волкова в первом отделении ВР штаба фронта нет. Я предварительно узнал.

Вот, паразит! Шустро сработал. Я-то рассчитывал прибиться к дремучим партизанам. Откуда тут вообще контрразведчик взялся? С фронта «выписали»? Или может он у них тут в штате? Отряд большой, вот и прикомандировали,

наверное. Тогда почему его не было при первом допросе. Наверно, отлучался в соседний отряд. Он как современный участковый, на одно рыло несколько деревень, то бишь отрядов. Скорее всего так и есть. Мда... Маленько я не рассчитал с внедрением. Контрразведке лапши не навешаешь. Эх. Надо было в лес уходить, когда Натаху спас. Ну, кто ж знал, что тут меня особист поджидает.

– Запрос – это хорошо, – кивнул я. – Уверен, что скоро вы получите обо мне всю исчерпывающую информацию. И смените мне жилплощадь. А то уже от ваших апартаментов у меня задница отсырела.

– Ничего, в яме посидишь, – старлей вдруг перешел на «ТЫ».

– Попрошу, товарищ старший лейтенант, – прищурился я. – Соблюдать субординацию. Я капитан Красной армии.

Врать, так врать. Главное время потянуть и улучшить момент для побега. Ночевать я в яме совсем не собирался. Потому как, это будет последняя ночь в моей жизни.

– И распорядитесь выдать мне одеяло, – добавил я, видя, как особиста перекосило. – Ночь будет прохладная.

– Сено вам постелим, – ухмыльнулся Хайдаров. – Одеял самим не хватает. Лучше скажите правду, Волков. В случае сотрудничества, я сохраню вам жизнь. Иначе, после того как придет ответ на запрос, и окажется, что вы врете, я лично вас расстреляю. Но перед этим еще раз допрошу. С пристрастием.

Вот, гнида! Он уже меня в шпионы конкретно записал. А командир отряда сидит и помалкивает, будто особист здесь главный. Хотя в таких случаях, как со мной, контрразведчик полномочий больше имеет, чем командир партизанского отряда. Я так понял, он даже расстрелять меня запросто может по единоличному решению. Ведь транспортировать меня за линию фронта никто не будет.хлопотно это и опасно. Вот влип... Тут я понял, что хорячьи глазки особиста буравят мое задумчивое лицо с хищным таким вниманием. И правая рука непроизвольно так подрагивает. Не нужно быть телепатом, чтобы понять, о чем он сейчас думает. Аршинными буквами на лице написано: «Давай, Волков, дернись прямо сейчас! Я тебя просто пристрелю, и разбираться не придется!»

Я тут же сделал лицо попроще и отвернулся.

Придется ночью бежать. Эх, боюсь, что без жертв не обойтись. Теперь точно меня в шпионы запишут. Что ж... Не я такой, а жизнь такая.

Меня увели под дулами автоматов (жирно живут партизаны, с ППШ ходят, или это только конвой так вооружён?) и снова посадили в яму.

Я смотрел на почти уже черное небо через решетку и представлял, что скоро придет Наташка. Как-то попрощаться с ней надо деликатно, чтобы ничего не поняла.

Но вместо прекрасного улыбчивого лица, на фоне неба над моей головой нависала бородатая морда часового с во-

нучей самокруткой в желтых зубах...

Глава 5

Прошел примерно час, наверху что-то зашуршало. Я прикинулся ветошью. Закрыв глаза, привалившись к прохладной земляной стенке. Сволочь Хайдаров, так сена и не распорядился принести.

– Саша, – послышался сверху знакомый девичий шёпот.

Сердце радостно ёкнуло. Пришла-таки! Открыл глаза – на фоне звезд точеный девичий силуэт. Будто фея с небес спустилась.

– Уйди, Наталья! Не положено! – буркнул на нее часовой.

– Я на минуту, дядя Егор, одеяло только скину. Федор Ильич разрешил.

– Ну, ежели командир добро дал, то я пока за махоркой схожу. Ты смотри за ним. Возьми винтовку мою.

– Обойдусь, – фыркнула Наташа.

Послышались удаляющиеся шаги часового, мы, наконец остались наедине. Девушка просунула сквозь решетку ватное одеяло. Оно еле пролезло в узкую ячейку. Пришлось потянуть снизу.

– Спасибо, красавица, – улыбнулся я. – И командиру спасибо.

– Командир не знает, – заговорщически проговорила она.

– Ты, смотри, не подставляйся, а то Хайдаров тебя мигом в предатели Родины запишет.

– Ну, ведь ты же не шпион, Саш, – всплеснула «сержант» руками. – Говорят, завтра по тебе информация придет. И все прояснится. Что молчишь? Не шпион ведь? Да?..

– Свой, я Наталья. В доску свой... – я немного замялся. – Вот только не придут на меня никакие данные.

– Как это? – голосок ее дрогнул.

– О том, что я здесь, знает очень узкий круг лиц. Не могу тебе все рассказать, но боюсь, что все-таки меня в предатели запишут.

– Что же делать?

– Ничего, завтра разберемся. Есть у меня одна мыслишка.

Наверху закашлял часовой, предупреждая о своем появлении.

– Ты главное помни, Наташ. Что бы ни случилось, Саня Волков не шпион.

– Что может такого случиться?

– Всякое. Война ведь. Ладно, спасибо за ватник, иди не маячь возле пленного. Мало ли как растолкуют такое поведение.

– До завтра, – прошептала девушка с грустью в голосе.

В ее душе я посеял тревогу и неопределённость. Как ей еще объяснить, что я не засланный казачок? Не скажу же, что из другого времени попал.

Наташа ушла. Часовой заглянул в яму, его бородатую морду осветил огонек газетной самокрутки. Он убедился, что я на месте, и снова скрылся из виду.

В какой-то из землянок еле слышно играла гармошка. Тихо и заунывно. Не спят партизаны. Я подождал еще полчасика. Все стихло. Только одинокий сверчок усердно стрекотал где-то в ночи. Да иногда слышно, как кряхтит и кашляет чайсовой. Все, пора...

Я снял ботинок и каблуком стал ковырять стену «темницы». Земля поддавалась плохо, еще и делать надо было это очень тихо. После часа усердной работы, под ногами у меня образовался пригорок. Небольшой, но все-таки приступок имеется. Утрамбовал горку. Встал на нее вытянул руку вверх, меряя расстояние до решетки, сделанной из ржавой бороны со сбитыми зубьями.

Снял с пояса офицерский ремень. Пряжка квадратная, массивная – то, что надо. Встал на горку и закинул ремень на борону. Звяк! – пряжка предательски ударилась о металл и отскочила вниз.

Я спрятал ремень под одеяло, которое накинута на горку. Первая попытка не получилась.

Только успел сесть на землю, как сверху показалась бородастая морда. Видно лишь силуэт. На фоне неба Егор выглядел будто Бармалей.

– Ты чего там? – зашевелилась борода.

– Да камешек выкинул, – позевнул я. – В бок давил зараза, вот и пришлось его швырнуть наверх.

– Смотри мне, не шали, – грозно пробухтел «Бармалей». – Если что – пальну! Велено сразу стрелять, коли чего выки-

нуть вздумаешь.

— Да куда я из ямы денусь? — лениво проговорил я. — Камень. Говорю же...

Морда скрылась, а я задумался. Так... С первого раза закинуть ремень не получилось. Возможно не получится и со второго и с третьего. В следующий раз байка про камень может не прокатить. Значит ждем, когда Егор по нужде отлучится. Не может же он всю ночь стоять и в туалет не отойти? Или может? Хотя если отойдет, то не далеко, скорее всего. Или прямо на посту справит мелкие надобности.

Стал ждать. Час прошел, второй. Даже сверчок прикемарил, а я продолжал судорожно вслушиваться в каждый шорох. Наконец, Егор покряхтел и пошлепал куда-то в сторону. Я насторожился. Через несколько секунд слышалось журчание. Это мой шанс.

Я вскочил на пригорок и снова закинул пряжку наверх. Та звякнула и уцепилась за узкий угол ромбовидной ячейки. Я осторожно, не дыша, потянул ремень в сторону, загоняя пряжку поглубже в острый угол сочленения рамы. Есть контакт, пряжку заклинило. Подёргал, ремень застрял надежно.

Подтянулся по нему, упираясь ногами в противоположную стену. Тренированное тело быстро оказалось наверху. Уцепился руками за решетку, освободил ремень. Уперся затылком и руками в стену, а ногами в противоположную. Обратная планка, блин. Тело дрожало от перенапряжения, а шею заломило. Долго так не продержусь.

Послышались шаги, часовой возвращался. Из-под моих ботинок, которые я с силой вдавливал в стену, осыпалась земля. Но Егор не услышал. Тогда я еле слышно свистнул. На звук часовой заглянул в яму. Его кирзачи оказались прямо возле моего лица. Даже в темноте я увидел как его физиономия вытянулась от удивления, когда он разглядел меня в позе «морской звезды», распластавшегося над ямой.

Но сделать он ничего не успел. Я молниеносно схватил его за ногу и рухнул вниз, продёргивая сапог в ячейу решетки. Часовой крикнул и завалился на борону, отбив себе промежность. Уже было завыл, но я, перехватившись за решетку одной рукой, второй зарядил ему снизу в челюсть. Попасть было несложно – его морда застряла в одной из ячеек.

Хрясь! И Егор в отключке. Удар получился добрый, хоть и на весу. Не зря у нас на полосе препятствий рукоход имеется. Привычен я к таким трюкам.

Надо скорее выбираться. Но ситуация осложнилась, тем, что сверху решетки, теперь лежала туша часового. Я изворачивался и пытался оттащить его в сторону. Хрен! Сделать это одной рукой, когда висишь на другой, почти невозможно. Пыхтел минут пять, чуть плечо не сорвал, толкая «Бармалея». Но дядька тяжелый оказался. Еще и руки вниз свесил. Бл*дь! Что делать?!

Снова прицепил ремень, продев через прут уже петлей. Спрыгнул вниз и перевел дух, лихорадочно прокручивая в голове варианты освобождения. Думай, боец, думай! В лю-

бую минуту Егор очнется и тогда хана.

Вскарабкался наверх, просунул руку за спину часовому, и стал сдергивать с него винтовку. Чертов ствол несколько раз лязгнул по металлу. В ночной тишине звук казался предательски громкий. Бля, скорее!..

Едкий пот заливал глаза, во рту пересохло и чувствовался привкус железа. Наконец мне удалось стащить с плеча часового винтовку и затянуть ее в яму. Бухнулся без сил вместе с ней вниз.

Дыхание оглушительно шумное. Несколько секунд передых и снова попытка. Встал на пригорок, перехватил «Мосинку» за ствол и упер приклад в край решетки, противоположный, где лежало тело. Надавил что есть мочи.

Конструкция поддалась и чуть сдвинулась в сторону, а ноги стали проваливаться. Кочка, миленька, потерпи, на рассыпайся! Еще немного. И р-раз, и р-раз! Толкал, обдирая ладони о мушку и дульный срез. Решетка вместе с тушей отъезжала в сторону. Медленно, но верно. Наконец, образовалась сносная щель. Я отбросил оружие и снова вскарабкался по ремню наверх. Последний рывок, протиснулся в щель.

Есть! Вдохнул полной грудью свежий воздух, выбравшись на поверхность. Егор зашевелился. Не вовремя, блин. Шею свернуть делов – на пару секунд. Только последнее дело – своих убивать, даже ради собственного спасения. Надо рвать когти, пока часовой не очухался и не поднял тревогу.

Наспех обыскал тело, но пистолета не нашел. Жаль. При-

гнувшись, мелкими перебежками пробирался через лагерь. Где-то еще дозорные бдят, не может лагерь без охраны оставаться. Так и есть. Чуть не наткнулся на одного. Тот стоял под деревом спиной к лагерю. Пришлось сделать крюк, обогнув дозорного подальше.

Вот и крайняя землянка, а за ней спасительная стена леса. Нождаданно дверь землянки распахнулась и на пороге нарисовалась знакомая тщедушная фигура Хорька на фоне тусклого света керосинки. Падла, что же ты не спишь?

Тот застыл, увидев, как на него мчится из мрака чья-то тень. Даже сообразить ничего не успел, как я ударом ноги впечатал его обратно в землянку. Он закатился внутрь. Захрипел и попытался встать, но получил контрольный удар ботинком по голове. С особистом церемониться не стал.

От удара Хорек поплыл, но на мое удивление не вырубился. Пришлось добавить кулаком в челюсть. Есть! Тушка обмякла и распласталась на земляном полу, раскинув руки.

Я сдернул с него кобуру с ТТшником и выскочил из землянки.

Где-то в стороне уже вопил Егор, поднимая тревогу. Я нырнул в чащу, и спасительная темнота меня проглотила.

Рванул напролом, как лось во время гона. Еще немного и за мной организуется погоня. Но хрен они меня догонят в лесу. Зря что ли я кроссы на службе наматывал? Бежал, что в ушах свистело, пока дыхание совсем не сбил. Все-таки через чащу ломиться, это покруче чем полоса препятствий.

Я перешел на шаг, а потом остановился совсем. Звуков погони не слышно. Похоже оторвался. Искать беглеца в ночном лесу бесполезно. Можно и выдохнуть. Фу-ух... Сел, привалился спиной к дереву. Не глядя выдернул травинку и сунул ее в зубы.

Ключья тумана шевелили ложноножками между стволами деревьев. В предрассветных сумерках это шевеление вызвало всякие потусторонние ассоциации. Мол, призраки тянут ко мне свои мертвые лапы и пытаются что-то сказать на своем потустороннем языке.

Впрочем, если задуматься, все, кого я здесь встретил, призраки. Они ведь все давно умерли, больше восьмидесяти лет прошло. И страны, которая войну ведет, нет уже давно. Но я здесь. Каким-то хреновым чудом, волей непонятного случая.

«Недосып сказывается, – подумал я. – На мистику потянуло. Стареешь, дядь Саша».

Но ведь зачем-то я здесь оказался? Переродился или что?..

Тьфу ты, бл*ха! Я заставил себя встать. Если буду дальше сидеть на этой мягкой кочке, меня того и гляди срубят. А у меня под боком отряд партизан в две сотни рыл, и сейчас там поднялся неслабый кипиш. Утром пойдут меня искать, а я вот он, тепленький. Свернувшись калачиком, цветные сны смотрю.

Так что не фиг расслаиваться, шагай давай, дядь Саша, а не конспирологией всякой развлекайся. Никакой в этом нет

пользы, кроме вреда.

Надо бы сориентироваться...

Я медленно и очень внимательно оглядел окружающий меня «призрачный» лес. Глупо будет сейчас заблудиться и вывернуть обратно к партизанскому лагерю. Прямо в хорячи объятия Хайдарова. Ведь бежал я не разбирая дороги.

Сссука... Кулаки сжались инстинктивно. Сдается мне, никакого запроса этот хорек не отправлял. Щеки надул, в уши напел «его благородию» Слободскому. Зыркнул глазенками своими злобными, все и заткнулись. При слове «контрразведка» даже в наше время все приседают и три раза «ку» делают, а уж здесь в сорок первом...

Да и знаю я таких гнид, у него прямо на роже синдром вахтера написан. Таким волю дай, они за неправильно подшитый подворотничок будут расстреливать.

Я со всей дури долбанул сжатым кулаком по ближайшей сосне.

Полегчало.

Мистическую меланхолию, которой я недавно чуть было не начал страдать, как ветром сдуло. Как и желание прилечь под ближайшей сосной и отрубиться.

Шпион, значит.

Значит, шпион...

Между прочим, эту самую янтарную комнату ведь и в самом деле фрицы похитили. Точнее, ПОХИТЯТ. Демонтируют, сложат в ящики и отправят в Европу тайными фашист-

скими тропами. Выставят ненадолго в Кенигсберге, после чего след ее навсегда потеряется. А руководит всем этим какой-то немецкий хрен благородных кровей, фамилию которого я конечно же забыл. И вести будут действительно через Псков, до которого тут всего-то пара лаптей по карте...

Губы сами собой начали расплываться в довольной лыбе. Есть ли у тебя план, мистер Фикс?

А ведь получается, что есть, я же сам его буквально несколько часов назад изложил командиру. А мужик сказал – мужик сделал!

Я почапал бодрее, уворачиваясь от колючих веток и то и дело смахивая с лица паутину. А ведь даже хорошо, что меня из партизанского отряда поперли. Ну, если можно так сказать, конечно. Потому что если я буду шарохаться по лесам и охотиться на фрицев, то никаких подробностей про янтарную комнату я узнать не смогу.

Надо в Псков идти. Или, как выразился недавно один оберштурмфюрер, в Плескау. На немецком я могу шпрехать как на родном, даже, если поднапрячься, могу вполне достоверно изобразить швабский и баварский диалекты. Сойти за коренного жителя Берлина, никогда не выезжающего за пределы Ганзафиртеля – тоже запросто.

Только здесь это не потребуется. Нет-нет, идти к немцам и выдавать себя там за своего – это тупой план. Мне там прострелят башку еще до того, как я им начну Германа Ленса цитировать.

Я сунул руку в карман и достал смятую бумажку. Ту самую, где было про работу по специальности и обещания прочих благ перебежчикам. «Гутен таг, фашистики, я Саша Волков или по вашему Алекс Вульф, Россию люблю, коммунистов ненавижу, работаю учителем немецкого языка и физкультуры в средней школе села Вырица, могу быть переводчиком и приносить всяческую пользу делу Великого рейха. Зиг хайль, и все такое»...

А что? План не плох. К нашим не получилось внедриться, так может к фрицам получится? А там разузнаю про янтарную комнату. И чем черт не шутит, попробую сорвать планы по ее похищению. Тогда уже свои к стенке не поставят. Наверное...

Аж присвистнул от глобальности своих намерений. Раз пошла такая пьянка, режь последний огурец!

Только вот одежду надо все-таки сменить. На что-то более подходящее для учителя немецкого из сельской школы. А то есть подозрение, что немцы вряд ли поверят, что в Вырице ученицы старшей школы изобрели ткацкий станок для производства камуфляжа, а берцы мне вечно пьяный сапожник дядя Вася из Луги склепал. При помощи сапожного шила, такой-то матери и трех бутылок самогона.

Менять надо одежду, это точно. Только вот где ее взять?

Память услужливо подбросила сцену, которую я сначала считал любительской театральной постановкой. И скучающий басок Корнейчука, озвучивающий в особо важные мо-

менты мой внутренний голос, сказал: «Ну что ты встал zenки выпучил? Ты точно знаешь, где лежит много людей, которым их одежда больше ни к чему...»

«Да как-то стремно это, нет?» – уже своим голосом подумал я.

«Стремно было в Сирии, когда твоих пулями изрешетили, а ты сделать ничего не мог, потому что тогда твоя миссия пошла бы по бороде...» – зло отозвался Корнейчук.

Ну да, как обычно. Вот тебе, дядя Саша, два стула. Или ты займешься бытовым мародерством и налутаешь в расстрельной яме какие-нибудь штаны и рубаху. Либо тебя в твоём камуфляже ещё раз повяжут, и окажешься ты в той же самой яме только слоем повыше.

«Волков, ты чего раскис-то? – снова забасил Корнейчук. – Если бы меня фашисты расстреляли со всей семьей, я бы только рад был, если бы мои штаны потом этим фашистам в глотки забили. Ну, это я фигурально выражаясь. В смысле – послужили правому делу».

Кроме того, у меня там неподалеку нычка под вывороченным корнем...

Теперь дело за малым. Сориентироваться, где это самое место. Из партизанского лагеря я сбежал примерно в ту сторону, откуда мы с Наташей пришли, значит где-то невдалеке должна быть сожженная деревня. И дорога. По которой уехал немецкий грузовик.

Но пока я топал прямо по целине, безо всякого даже на-

мека на тропинки. Рассвет уже практически вступил в свои права, до восхода солнца явно осталось всего ничего. Зачирикали первые утренние пичужки. Ориентироваться стало проще.

На ближайшую тропу я наткнулся почти сразу. Топтаная-перетоптаная, ровненькая, явно ходили по ней много и часто. Так... Прикинем... Партизанский лагерь отсюда примерно к северо-западу, после пробежки топал я примерно час с чем-то, значит прошел еще километра три. И если я сориентировался верно, то эта тропа должна вести в ту самую деревню. Хотя бы одним из своих концов...

Через метров триста рядом тропа пересекалась с другой лесной дорогой. И к дереву на перекрестке кто-то заботливый прибил самодельную фанерную табличку, на которой было крупными кривоватыми буквами написано «ЗАОВРАЖИНО 2 КМ». Ого, знакомые места.

Кажется, я все-таки чутка заблудился, забрал севернее, чем планировал. Но зато теперь у меня появилась четкая привязка к местности, потому что где находится Заовражино я хорошо знал. Можно сказать, в этой деревне мое детство прошло. Когда мелким был меня к бабе Нюре отправляли, у нее в этом самом Заовражино был здоровенный дом на отшибе, сразу за забором лес. Эти места я отлично знал, излазил здесь все, когда мы клад с пацанами искали. Кто-то нам рассказал по секрету, что фашисты здесь клад зарыли, вот мы и...

Тут меня, как пыльным мешком по голове ударило.

Заовражино. Баба Нюра. Она здесь провела всю войну, и в Питер ее родители перевезли, когда мне было уже тринадцать. Он даже Ленинградом уже быть перестал.

Получается, что сейчас... Она там? Моя баба Нюра, только не суровая седая старуха с черной тростью, а молодая девушка. Сколько ей было в сорок первом? Девятнадцать?

Опа... По спине пробежали мурашки.

Прямо откровение за откровением меня с недосыпа накрывает. Или, как там модно сейчас среди всяких инфоцыган выражаться? Инсайт за инсайтом...

Накрыло что-то настолько сильно, что я снова нашел кочку помягче и присел.

Бабушка всегда жила одна. Никакого деда рядом с ней никогда не было, а на мои детские расспросы о нем она только шикала, грозила пальцем и огрызалась, что это не моего ума дело.

Потом уже, когда мне было лет одиннадцать, я подрался со Славкой Батраковым, сыном директора клуба. Не помню, из-за чего была драка, но нос я ему расквасил. И он прогундел, что я такой злой, потому что фашист, как и мой дед. Вытрясти из него много подробностей мне не удалось, просто его бабушка говорила соседке, что все знают, что Нюрка в войну с фашистом путалась, вот поэтому у нее и дом огромный, и еды всегда было вдоволь, и вообще.

Я закусился и даже провел целое расследование.

Очень уж мне хотелось, чтобы то, что сказал Славка, оказалось враньем. Но хрен там угадал. Его бабушка говорила чистейшую правду. И отцом моего отца был вовсе не капитан дальнего плавания и не космонавт, улетевший на Марс на секретном космическом корабле. А самый что ни на есть настоящий фашист. С замысловатым именем Анхель Вольфзауэр. Я нашел в бабушкином альбоме с фотографиями черно-белую карточку, на которой она, высокая, красивая и смеющаяся стоит рядом с парнем в серой рубаше с закатанными рукавами. Только лицо парня было затерто. Будто по карточке долго и старательно возюкали чем-то острым. Я решил тогда, что это он и есть.

Я ни с кем об этом потом не разговаривал, даже с родителями.

Но... Это что же получается? Мой дед сейчас где-то здесь? И он легко мог оказаться одним из тех трех фрицев, которых я вчера положил, когда Наташу спасал?

Нет-нет, там никакого Анхеля не было. Там были Ганс, Йохан и Макс...

А если я его убью ненароком, тогда что? Мой отец не родится, и сам я тоже исчезну? Растворюсь в воздухе, как тот Марти Макфлай? Так что ли получается? Охренеть!

Я встал и побрел, раздавленный новым открытием. Это что получается? Теперь прежде чем фашика замочить, я у него имя спрашивать каждый раз должен? Что бы прашура своего на тот свет не отправить и генетику не прервать? Дела,

блин...

– Стоять! – прохрипел чей-то голос.

В думках я и не заметил, как из чащи прямо передо мной вырос бородатый мужик с двустволкой и в брезентовом плаще до пят. Это что еще за хрен с горы? Явно не партизан.

– Руки подыми! Ну! – потрянул охотничьим ружьем «лесовик».

Глава 6

– Спокойно отец, – я задержал дыхание, примериваясь к трофейному «ТТ», что болтался у меня на поясе. – Русский я. Свой...

Кобура расстегнута, патрон в патроннике, курок на боевом взводе. Только ствол выхватить и вскинуть. Но... Не успею. Если дед пальнет дуCKETом, да еще и если картечь у него заряжена, то даже целиться с такого расстояния особо не надо. В решето меня в миг превратить, прежде чем за пистолет схвачусь. И морда у него хмурая и решительная, как у Герасима перед утоплением собачонки. Того и гляди, шмальнет и как звать не спросит.

– Вижу, что не немчура, – проворчал незнакомец. – Морда у тебя самая, что ни на есть нашенская, слишком правильная. Потому и пристрелю тебя на месте, дернись только.

– За что, отец? – я поднял руки и соображал, на чьей-же все-таки стороне «Герасим».

Похоже, что не на нашей, раз на мушку русских берет. Только на полиция он не очень похож. Те с повязками белыми ходили, с карабинами и прибалтийским акцентом (хотя здесь с русским говором). Да и староват он для полиция.

– Кто таков? – проигнорировал мой вопрос дед.

Бляха... Что ответить? Скажу, что партизан – точно пристрелит. Может, сказать, что на немцев работаю? Тогда, что

я в лесу делаю один? А, была не была.

– В Псков я иду. В комендатуру отметиться и на службу наняться. Листовку я видел, что принимают нашего брата в городе и заработок платят, если ты идейно против красноперых настроен.

– Покаж листовку, – дед недоверчиво качнул ружьем.

Я потянулся в карман, где лежал смятый листочек. Хорошо, что его в ключья не изорвал, несколько раз хотелось очень.

– Что это у тебя? – насторожился бородач, увидев кобуру у меня на поясе. – Пистолет? Как же ты к германцам собрался ну службу устраиваться? С оружием? И одёжа у тебя диковинная. В Заовражино и окрестных селах такой не сыщешь. Объегорить меня решил, паря?

– Пистолет нашел, думал на сало обменять или картоху, – включил я режим «дурачка». – Нужен тебе «ТТ»? Недорого отдам.

Я аккуратно вытащил листовку и швырнул ее к ногам дед, но тот и не подумал за ней наклоняться. Не повелся, гад.

– Пистоль бросай, – ткнул он столом в сторону моей кобуры. – Только без дури, а то чай пальну ненароком.

Пришлось отстегивать кобуру. Снял с пояса, но швырнул себе под ноги. Пистолет из нее наполовину вывалился. Событий его подхватить очень велик, но дед просек мои мысли и приказал:

– Шагай взад!

– Чего? – огрызнулся я.

– Вертай взад, говорю. Отойди от пистоя. Дальше! Вот... Стой.

Я повернулся и сделал несколько шагов. Теперь был спиной к старику. Не самая удобная позиция, но не безысходная. Навострил уши.

Отчетливо слышал, как тот подошел к пистолету и закрихтел. Разбитые артритом суставы, видно, так просто не дают присесть. По любому ствол от меня отвел, чтобы наклониться. Сейчас или никогда. Я резко развернулся и заехал ногой с разворота по стволу, который смотрел в землю.

Бах! – дед от неожиданности нажал на спуск, всадив в мох заряд свинца, но ружье из рук не выпустил.

Бах! – прогремел второй выстрел, но я броском уже успел вцепиться в стволы мертвой хваткой. Крутанул дуэстволку так, что у деда локти закрипели. Он охнул и выпустил ее из рук. Я отшвырнул ТОЗ в сторону (все равно разряжено) и подобрал пистолет. Повесил его обратно на пояс и процедил:

– Мне нужна другая одежда. И покажешь где Псков находится.

– Портки не отдам, – удрученно затряс головой старик. – Лучше сразу пристрели...

Оглядел дедка. Комплекцией меня поменьше гораздо, но шмотье советское всегда было свободного кроя. Можно влезть в его обноски, там плюс-минус два размера.

Но заглянув в его пустые глаза, как-то рука не поднялась

мародерничать. Тьфу! Хрен с ним. Пусть живет. Подобрал ружье и спросил:

– Псков в какой стороне?

– Туда шагай, – отрешенно махнул рукой дед на запад. – К дороге выйдешь через пару верст. Она в город приведет.

Я закинул «ТОЗ» за спину и зашагал прочь. Патроны не стал забирать, один хрен с ружьем в город не попрешься, немного отойду и зашвырну его в кусты.

Отошел уже метров на десять.

– Служивый, – вдруг окликнул меня дед. – В доме есть у меня одежда. От сына осталась. В пору тебе будет. Здесь недалеко...

* * *

Дед привел меня к лесной избушке. Я с подозрением оглядел бревенчатый домишко, вросший в мох почти по самые окна.

– Один живешь? – достал я пистолет, опасаясь ловушки.

– Один, – вздохнул дед. – Нету больше у меня родичей. Убили их германцы. Сам теперича путеец я. За рельсами смотрю. А в прошлом – лесником был.

– И после этого ты на фашистов работаешь?

– А меня разве кто спрашивал? Нагрязнули кодлой. Сказали, так как леса я здешние знаю, буду следить за путями... И за лесом приглядывать, чтобы енти самые пути никто не по-

дорвал. А иначе с меня шкуру спустят. Вот и в тебя целился. Думал, что ты рельсы подрывать пришел.

Мы вошли в дом с единственной комнатой. В углу топчан, у окна колченогий стол со скамьей. На стене рядом с печкой-мазанкой какие-то пучки трав висят.

– Вот, возьми, – дед снял с гвоздя штаны из черного сукна, рубаху и что-то среднее между потёртым бесформенным пиджаком и робой.

– Как звать-то тебя, отец? – поинтересовался я.

– Кузьма я. Михайлович по батюшке.

– А меня «Служивым» зови, – разрешил я.

Не нравится что-то мне лесник. Не люблю предателей.

Дед крякнул, но промолчал. Я переоделся. Одежда оказалась впору. Заношенная, но выстиранная. Берег Михалыч, видно, вещи сына. Даже не понимаю, почему мне так легко отдал.

– Пожрать бы еще не мешало, – прищурился я. – Угостишь путника?

Дед кивнул и выставил на стол чугунок с вареной картошкой. Уже остывшей, но выглядевшей аппетитно. Посыпана укропом и зубчиками чеснока.

Затем вытащил из-под стола зеленоватую бутылку с длинным горлом, закупоренным смятой газетой. Внутри бултыхалась чуть мутноватая жидкость.

– Самогон будешь? Из свеклы делал...

– Наливай, – кивнул я уже запихивая в рот целиком кар-

тофелину.

Пойло хозяин разлил по железным кружкам. Плеснул сразу до трети объема тары. Я взял свою с отколотым краем:

– Ну, Михалыч! За Победу. Только чокаться с тобой не буду. Спасибо за штаны и рубаху, только с прихвостнями фашистов не чокаюсь. Не обессудь.

Я проглотил вонючую жидкость с запахом сивушных масел.

– Крепкая зараза, – прокашлялся я, занюхивая рукавом. – Градусов пятьдесят не меньше.

По жилам разлилось приятное тепло.

– Самогон у меня ядреный, – кивнул Михалыч и опрокинул в глотку свою дозу, даже не поморщился, лишь засопел и закусывать не стал.

Налил еще по одной.

– Ты куда коней гонишь? – пробубнил я с набитым ртом. – Закусывай картохой.

– Не берет меня сивуха, – как-то с горечью выдохнул обходчик. – Как Розы и Петьки не стало, с тех самых пор не берет. И сна нет почти...

– Вот что я тебе скажу, Михалыч. Ты сам виноват, что спать не можешь. Трус ты самый настоящий. Мог бы и к партизанам податься, чем фашистам прислуживать.

– Дык говорю же! – хлопнул кулаком по столу лесник. – Семья у меня была. Бабка да сын тридцати годков. Хромой он был, непригодный службе военной. Когда немцы пришли

и грозились всех порешить, у меня выбора не было. Стал я путейцам подсоблять, да в обходчиках ходить. А потом, все одно убили они и Петьку, и Розу.

Дед утер рукавом глаза. Плечи его беззвучно задержались. Он с шумом выдохнул и снова схватился за бутыль:

– А давай еще по одной, служивый.

Я кивнул, хотя и так уже было хорошо. Расслабляться мне никак нельзя, но с местным населением оперативные позиции налаживать самое-то под спиртное.

– Пусть земля им будет пухом, – сказал я и сделал маленький глоток, чтобы не налегать на пойло.

– Зачем твоих убили? – продолжил я разговор. – Ты ведь на них работал?

Хотя я догадался зачем. Имя у жены лесника-обходчика было самое, что ни на есть говорящее. Но все равно спросил, пусть выскажет наболевшее.

– Еврейских корней у меня Роза была, – дед снова заглотил всю порцию бормотухи, но в этот раз зажевал картофельной. – Стало быть и сына вырождением посчитали. Вот ты говоришь в партизаны податься. Так меня там сразу к стенке поставят. Все знают, что лесник Кузьма на германцев работает. Эх... Жизнь моя бедовая, дряннее горькой редьки. Как жить-то теперь? Скажи, служивый?..

Михалыч снова махнул рукавом по глазам и пробормотал уже чуть заплетающимся языком:

– Вот тебе только это и смог поведать за два месяца. Душу

облегчить. И сивуха меня пробрала, наконец. А то не было мочи на сухую рыдать. Будто сдох я вместе с сыном и жинкой.

— А хочешь отомстить? — я перестал жевать и испытывающе уставился на деда. — Убийцам твоей семьи.

— Да ежели бы мог. Да я... — дед сжал морщинистые кулаки и затряс длиннющей бородой. — Что один могу? Только сидеть и за шкуру свою страшиться...

— Есть у меня кое-какой план... — кивнул я. — Саней меня зовут.

Мы разговаривали долго и обстоятельно. Опустошили почти всю бутыль. Ночевать я остался у Михалыча, а утром отправился в Псков. Он подробно рассказал мне об устройстве города. Свою старую одежду и пистолет я велел Михалычу надежно припрятать. Камуфляжный наряд и оружие, уверен, еще мне пригодятся.

* * *

По дороге к городу наткнулся на поселение. Или уже пригород, или окрестная деревенька, сразу и не понял. Возле криво сколоченной деревянной тумбы кучковались местные жители. Меня они не видели, развесистый куст надежно укрывал от любопытных глаз. Впрочем, кажется, им настолько не было ни до кого дела, что я спокойно мог выйти прямо на раздолбанную дорогу и сплясать цыганочку с

выходом. Разговаривала компашка шумно, перебивая друг друга и размахивая руками. А вот предмет их обсуждений мне с моего наблюдательного пункта было не видно – яблоко раздора было плоским, бумажным и пришпиленным к той самой тумбе.

«Объявление какое-то обсуждают», – догадался я. До меня из разговора обитателей деревни доносились только отдельные слова, но суть была понятна – возмущены они сверх меры и вовсе не горят желанием тащить в школу мясо-млеко-яйки на прокорм захватчикам. А на школе, одноэтажном белом здании на другой стороне небольшой площади, уже красовались красные полотнища со свастиками, а у крыльца поблескивал черными лаковыми боками Опель-капитан.

Дверь школы распахнулась, на крыльцо вышли три человека. Одеты они были как местные, да и рожи вовсе не истинно-арийские, у того, что справа, на скуле набух яркий кровоподтек, мужичок в центре, несмотря на полосатый пиджачок и модный картузик, явно любит прибухнуть при случае и без такового. На носу написано сизым цветом. Единственным существенным отличием от тусовки возле тумбы были белые повязки на рукаве. И они были вооружены.

От компании «возмущенцев» отделился особенно смелый и воинственно настроенный дедок. Приблизился к троице на крыльце и принялся что-то горячо им втолковывать, размахивая для подкрепления своих слов руками.

Зря я остановился посмотреть, что за шум. Я отлично

знал, что сейчас произойдет. Никаким Нострадамусом быть не надо.

Троица слушала деда недолго. «Сизый нос» первым соскочил с крыльца и со всей дури всадил приклад своей винтовки деду под дых. Тот согнулся, сразу же получил еще несколько ударов. Еще секунда – и троица явно новонанятых полицаев пинает беспомощного деда начищенными сапогами.

Вот же мразота...

Рука сама собой потянулась к поясу и замерла на полдороге. Вспомнил, что оставил ТТ у Кузьмы. Бл*ха, как бы он сейчас пригодился-то!

«Горячку не пори, дядь Саш», – сказал я сам себе. Да, сейчас они деда пристрелят. Или повесят, чтобы патроны не тратить, вон там как раз рядом со срубом колодца подходящее дерево растет, можно штук трех буянов рядком вывесить... И это стопудово будет сделано, не позволят фрицы и примкнувшие к ним полицаи такому воспитательному ресурсу зря простаивать.

Так что давай, дядь Саша, шевели батонами и по сторонам особенно не оглядывайся. Всех не спасешь.

Я выбрался из своего укрытия между кустом и единственной уцелевшей стеной разрушенного дома и нырнул под прикрытие леса обратно. Идею шагать по дороге гордой походкой и сдаться первому же патрулю я отбросил, как категорически негодную. Если так сделаю, то рискую даже в сам

город не попасть. Считут здоровым и сильным, определяют в какой-нибудь из окрестных лагерей. И буду я махать кайлом и лопатой, возводить линию «Пантера» на радость фашистским захватчикам.

Нет. На хрен.

Выходить из тени надо уже в городе, поближе к центру событий.

Правда, дорога займет чуть больше времени, но ничего. Не маленький, потерплю уж.

В Пскове я бывал, конечно. В будущем Пскове. Вполне благополучном симпатичном городе, полным туристических достопримечательностей, белокаменных церквей и прочих благ цивилизации. Сейчас же здесь еще не было многоэтажных спальных районов и асфальтированных улиц. Пригород, через который я пробирался, мало чем отличался от деревни. Я видел раньше черно-белые фото оккупированного Пскова, но одно дело смотреть на карточки не очень хорошего качества, а совсем другое – пробираться через реальные разбомбленные окраины. То тут, то там попадались покореженные сожженные машины и танки. Снесенные до фундамента дома чередовались с уцелевшими.

Но было заметно, что с момента взятия города прошло уже некоторое время. Трупы на улицах не валялись, завалы кое-где явно начали разбирать, выбитые стекла уже заменили чем пришлось – фанерками, одеялами или досками.

Но разруха, конечно, была совершенно дикая. На улицах разверстыми ранами зияли воронки от сброшенных бомб, за заборами рядом с домами скорбными холмиками натыканы свежие могилы.

Отдельный сюрреализм в картину этого апокалипсиса вносили прикрученные на столбах матюгальники. Я прислушался к мелодичной классической музыке. Что-то знакомое... Не то, чтобы я ценитель и знаток, но это точно что-то знаменитое...

Ну да, конечно же. Вагнер, увертюра к «Тангейзеру»!

Надо же, символично как... Герой этой оперы отправился в изгнание вместо смерти. Как я практически.

Крался я чертовски аккуратно, чтобы не попадаться на глаза как обитателям домов, так и патрулям. Пока я не получу документы и не легализуюсь, вступать в контакт с кем бы то ни было мне противопоказано. Даже в этой задрипанной одежонке, я все еще здоровый молодой мужик, а значит ко мне обязательно прицепятся, и далеко не факт, что отконвоируют туда, куда мне надо.

Бл*ха, еще один патруль!

Совсем было собрался выскочить из своего укрытия в палисаднике ветхого, но большого деревянного дома, как раз парочка белоповязочников скрылась в дверях магазина. А тут эти еще... Эти серьезнее, фрицы, трое, в серой форме, на рукавах – черные ромбы с буквами SD.

Опа... А ведь это немецкие коллеги хорька-Найдарова.

Контрразведка. Расслабленно идут, вроде как гуляют. Переговариваются, прелести Лили Марлен обсуждают. Смеются.

Я выглянул. Остановились рядом с подъездом двухэтажного жилого дома. Прицепились к двум женщинам у подъезда. С понтом флиртуют. Ну да, ну да... Кобуры расстегнуты, руки держат так, чтобы пистолеты выхватить моментально можно было. Флиртуют они. Случайно прогуливаются...

Та из женщин, что помоложе, попыталась улизнуть в подъезд, но один из фрицев ухватил ее за руку.

Тут послышался звон разбитого стекла, остальные двое сд-шников ломанулись через кусты на другую сторону дома, выхватывая оружие. Бахнуло два выстрела.

Пора!

Я выскочил из своего укрытия и перебежал открытое пространство. Юркнул в щель между двумя заборами. Если меня кто-то и заметил, то вряд ли запомнил.

Пригнувшись, я пробрался через заросли крапивы на параллельную улицу. Разборка осталась за спиной. За мной никто не погнался.

Центр Пскова выглядел более узнаваемым. Во всяком случае, я то и дело натыкался взглядом на смутно знакомые дома. Широкая улица... Кажется, Советская, если мне память не изменяет. Но не уверен... Думал, что неплохо знаю Псков, но привязку к местности мне, похоже, придется заново делать. Десяток хмурых мужиков в серых робах под пристальным радостно ржущих фрицев ремонтируют дорогу. За-

дельывают яму от упавшей авиабомбы. Логично. Неудобно же фрицам на их хорхах и мерседесах по разбомбленным улицам ездить.

А вот дальше пробираться огородами и подворотнями не получится. Народу на улицах чем ближе к центру, тем больше. Вот конкретно в этом месте, если бы не воронка, то вообще никаких особенных разрушений нет. Даже в чем-то идилично... Я посмотрел под ноги. На земле валялись круглые очки. Одного стекла не было, второе расколото. Присел, подобрал, покрутил в руках.

Очкарик воспринимается безобидным ботаном. А если я собираюсь прикидываться учителем немецкого... Я выдавил остатки разбитого стекла, протер оправу об полу рубахи и нацепил очки на нос. Ну вот, дядя Саша, теперь ты как настоящий интеллигент выглядишь. Я как мог отряхнул штаны, сорвал с них налипшие репы и еще какие-то цеплючие семена.

Авось, не докопаются раньше времени.

Я вывернул из подворотни и побрел по улице. Скромненько так, по краю. Стараясь двигаться как местные. Бочком, как бы извиняясь.

Слился с пейзажем и антуражем, в общем и потихоньку почапал дальше в центр. Всем своим видом как бы говоря: «Не смотрите на меня, ничего интересного. Я самый заурядный прохожий, скучная личность, лучше посмотрите направо...»

– Сашка?! – окрик прозвучал неожиданно громко. Услышав свое имя, я вздрогнул, но не обернулся. Мало ли здесь кроме меня Сашек. Может это вообще женщина собаку зовет. – Сашка! А ну стой!

За спиной раздался торопливый топот и тяжелое дыхание. Женщина схватила меня за плечо и с силой развернула.

Глава 7

– Ты совсем уже стыд потерял, кобелина проклятый! – заголосила совершенно незнакомая барышня лет эдак тридцати. Настоящая такая русская баба, из тех, кто слона на скаку остановит и хобот ему оторвет. – И идет еще такой гоголем, да ты...

Тут она замолчала, сообразив, что перед ней какой-то другой Сашка. Может быть, тоже кобель, но стопроцентной уверенности у нее не было. Она охнула, на лице ее отразилась сложная гамма чувств, от обалдения до досады.

– Ох, а ты еще кто такой? – она подбоченилась и подозрительно осмотрела меня с ног до головы. Скучавший на перекрестке патруль из двух фрицев с интересом начал поглядывать в нашу сторону. Вот один что-то другому сказал на ухо. Второй выплюнул прямо на тротуар окурок. И вот оба они уже пялят zenки в нашу сторону. Вот же черти принесли эту бабу скандальную! Не завидую ее Сашке...

– Милая, прости меня дурака, – я шагнул к ней и взял ее за руки. Так быстро, что она даже не сообразила увернуться. – Сил моих нет больше без тебя жить!

– Да что ты такое говоришь? Ты кто такой?! – завозмущалась она и попыталась вырваться. Ага, так я и отпустил! Втравила меня в разборку, так что терпи теперь. Я притянул ее к себе, обнял и зашептал на ухо.

– Барышня, милая, не губи, сделай вид, что я твой Сашка и есть, и что ты меня простила, – на середине моей фразы она даже перестала вырываться. – Иначе меня патруль заграбастает.

Я заглянул в ее округлившиеся глаза и крепко поцеловал.

– Ну пойдём уже домой, милая, – проворковал я и поволок уже не упирающуюся тетку в ближайшую подворотню.

Каждую секунду ожидая, что за моей спиной раздастся грозное: «Хальт!»

Не раздалось. Уф. Добро пожаловать в Псков, дядь Саша. Вот тебе адреналинчика щедрой рукой.

– А тебя в самом деле Саша зовут? – уже кокетливо спросила тетка, заправляя выбившуюся прядь волос под косынку.

– Только тссс! – я усмехнулся и приложил палец к губам. – Это военная тайна!

Я бросил быстрый взгляд на улицу, но патруля уже не увидел.

– Спасибо, барышня! – я легонько чмокнул в щеку свою «спасительницу» и устремился к другому выходу из двора.

– Меня вообще-то Маруся зовут! – раздался мне вслед слегка разочарованный голос.

Самым сложным было не крутить башкой, как оголтелый турист. В принципе, народу вокруг уже было столько, что если не буду пялиться на все, как баран на новые ворота, то никто на меня и внимания не обратит. Так что я медленно шел с опущенной головой, выхватывая взглядом из окружа-

ющего пейзажа разные подробности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.